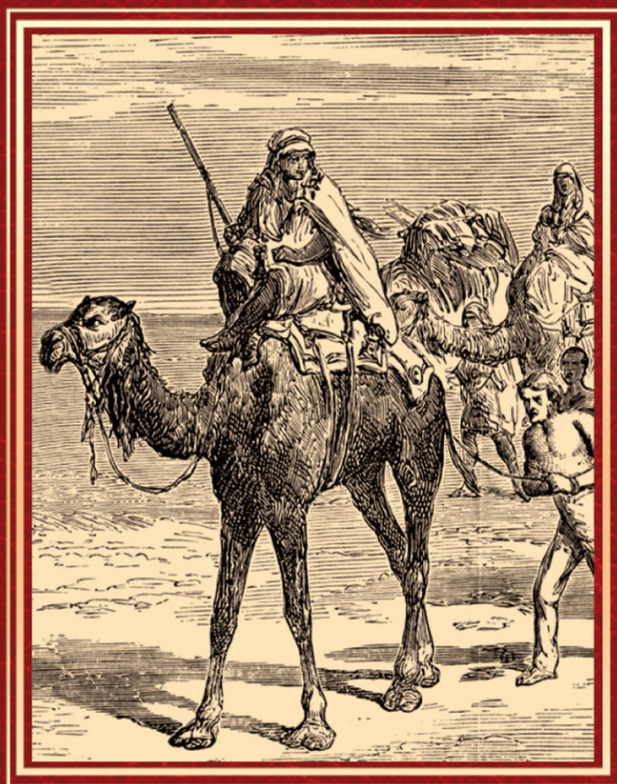

Томас Майн Рид

Пиратский остров

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Томас Майн Рид

**Пиратский остров;
Молодые невольники**

«ВЕЧЕ»

1865, 1868

Майн Рид Т.

Пиратский остров; Молодые невольники / Т. Майн Рид —
«ВЕЧЕ», 1865,1868 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-8218-2

Путешествуя по долине Миссисипи, молодой европеец наслаждался жизнью и удивительной природой этого заповедного края. В поисках ярких впечатлений и новых трофеев он отправился вниз по великой реке. Его внимание вскоре привлек живописный островок, в зарослях которого наверняка полно всякой дичи. Местные жители посоветовали молодому авантюристу держаться от острова подальше, поскольку «там что-то нечисто». Но страстному охотнику спокойная жизнь не по нутру. Загнав в угол шакала, он всегда готов вступить в схватку со львом. В очередной том Томаса Майн Рида входят романы о приключениях в Северной Америке и Африке – «Пиратский остров» и «Молодые невольники».

ISBN 978-5-4484-8218-2

© Майн Рид Т., 1865,1868

© ВЕЧЕ, 1865,1868

Содержание

Пиратский остров	6
Глава I. Американская тюрьма	9
Глава II. Любезное приглашение	11
Глава III. Нат Брэдли	15
Глава IV. Скользкий тип	17
Глава V. На плантации	19
Глава VI. Странная беседа	21
Глава VII. Страстный охотник	25
Глава VIII. Белоголовый орлан	27
Глава IX. Остров дьявола	29
Глава X. Плантация на острове	31
Глава XI. Гости-враги	36
Глава XII. Опасности голубиной охоты	38
Глава XIII. Отвергнутый	41
Глава XIV. Угрюмый шкипер	44
Глава XV. Необщительные спутники	47
Глава XVI. Человек за бортом	50
Глава XVII. По воле волн	52
Глава XVIII. Зловещие звуки	55
Глава XIX. Станные занятия	57
Глава XX. С одним веслом	60
Глава XXI. Испуганный чернокожий	62
Глава XXII. Неожиданный гость	66
Глава XXIII. Ожидание парохода	68
Глава XXIV. Белый платок	70
Глава XXV. Адвокат из Луизианы	72
Глава XXVI. Подзорная труба	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Томас Майн Рид
Пиратский остров. Молодые невольники
Романы

Пиратский остров

THE
ISLAND PIRATE

A TALE OF THE MISSISSIPPI.

BY CAPTAIN MAYNE REID,
AUTHOR OF "BLUE DICK," "SCALP HUNTERS," ETC

NEW YORK:
BEADLE AND ADAMS, PUBLISHERS,
98 WILLIAM STREET.

Глава I. Американская тюрьма

Уже много лет минуло с тех пор, как нога моя в первый раз ступила в долину Миссисипи. Я прибыл туда молодым и полным энтузиазма путешественником, и двигала мной исключительно жажда приключений.

И вскоре я убедился, что это то самое место, где эту жажду легко удовлетворить. Среди дивной и величественной природы этой страны, среди ее кипящих жизнью городов и прихотливого смешения рас и характеров редкий день проходил без какого-нибудь интересного случая, редкая неделя – без памятного эпизода. Теперь, когда я вспоминаю прошлое, некоторые из этих эпизодов, имевших тогда для меня особенное значение, живо встают в моей памяти и принимают свойственную воспоминаниям романтическую окраску.

Многие из них могут показаться невероятными читателю, не знакомому с нравами и обычаями племен, населявших в описываемое мною время долину Миссисипи. Тогда Дикий Запад еще не отодвинулся от великой реки, и ее города еще не перестали служить убежищем отбросам общества, не признававшим никакого закона, кроме закона «око за око», никакого суда, кроме суда Линча.

Вопреки большинству путников, следующих по долине Миссисипи, я начал свое путешествие не с севера, а с юга, то есть с устья реки. Первый город, где я остановился, был Новый Орлеан.

Я приехал туда уже поздней весной. Через некоторое время на дверях прибрежных домов показались красные кресты. Это означало, что эпидемия «болотной лихорадки», свирепствующая здесь каждое лето, уже появилась.

Я счел благоразумным распрощаться с этим любопытным городом, решив вернуться туда, когда первые холода прогонят болезнь, и направился далее на север, останавливаясь то там, то здесь, по воле случая или по собственному желанию. Так я добрался до Огайо, и следуя вверх по течению этой реки, оказался в столице штата Теннесси.

Путешествие это длилось довольно долго, к тому времени кроны деревьев подернулись желтым и листья стали облетать.

В «Городе утесов»¹ я не задержался. Решил вернуться на юг, но уже не на пароходе, как прибыл сюда, а верхом. Этот способ передвижения я предпочел потому, что так легче познакомиться со страной, через которую проезжаешь.

Запасшись выносливым конем и приторочив позади седла небольшой саквояж, я пустился в дорогу. Мне предстояло долгое путешествие, настолько долгое, что скажи я, какое расстояние мне нужно было проехать до цели, меня бы обвинили в преувеличении или, по крайней мере, сочли бы хвастуном.

К такому же выводу и пришел один путник, который нагнал меня вскоре по дороге.

Не успел я отъехать и нескольких миль по пыльному тракту, как означенный всадник поравнялся со мной и молча поехал рядом. Под ним был иноходец, и он легко мог бы меня обогнать, но, видимо, нарочно сдерживал коня. Я исподволь оглядел попутчика. На нем были куртка и брюки из белого льна, на голове широкая панама, на ногах – изящные сапоги.

«Плантатор. Или сын плантатора», – подумал я, поскольку молодому человеку явно не исполнилось еще и двадцати.

Мы молча доехали до каких-то домов, стоявших справа от дороги. Тогда незнакомец первым прервал молчание.

– Это тюрьма, – сказал он, видя, что я разглядываю здание. – Вы, конечно, там были?

¹ Прозвище города Нэшвилла, столицы штата Теннесси.

Вопрос показался мне настолько странным, что я невольно рассмеялся. Однако я понял, что он просто не совсем точно выразился и вовсе не хотел сделать на мой счет какое-нибудь оскорбительное предположение. Поняв, в свою очередь, какой смысл можно придать его вопросу, он тоже засмеялся.

– Виноват, – сказал он. – Но вы, вероятно, поняли о чем я. По-видимому, вы иностранец, и я подумал, что вам интересно познакомиться с тюрьмой одного из американских штатов.

– Благодарю вас, – ответил я. – Я действительно иностранец и, кроме того, турист. Я был бы вам признателен, если бы вы мне о ней рассказали.

– С удовольствием. Не хотите ли посетить ее? Я знаком с начальником тюрьмы. Это довольно интересно – один Маррел чего стоит!

– Кто он, этот Маррел?

– Вот и видно, что вы не из Теннесси. Его здесь все знают. Знаменитый пират и бандит с Миссисипи! Он приобрел печальную известность на реках и дорогах. На его совести десятки убийств; три или четыре из них вполне доказаны, но тем не менее его приговорили всего к десяти годам, и ему теперь осталось отсидеть всего четыре. Не хотите ли на него взглянуть?

– Да лучше на него посмотреть в тюрьме, чем встретить на дороге, – ответил я.

Мы свернули и поехали к тюрьме. Нас очень любезно принял сам начальник и показал все здания. Они были похожи скорее на какую-нибудь обширную фабрику, чем на тюрьму. Тут были представлены едва ли не все отрасли промышленности. Мы увидели и шляпников, и портных, и сапожников, и слесарей, и кузнецов, и булочников. Нам даже показалось, что все эти люди были всецело поглощены своим мирным трудом.

Среди кузнецов мне показали убийцу Маррела. Хотя лицо его покрывал слой угольной пыли, по выражению его я понял, что оно вполне соответствует ужасной репутации злодея.

Мне рассказали его историю. Изначально он был кузнецом, но променял свое ремесло на более прибыльное занятие и стал промышленлять пиратством, но не где-нибудь в открытом море, а в долине Миссисипи. Вместо кораблей добычей ему служили плоты, шлюпки и барки, шедшие с грузом в Новый Орлеан или возвращающиеся с вырученными за товары наличными. Поймать Маррела было очень трудно, а уличить – еще труднее. Сообщников у него насчитывались десятки. Среди них были коммерсанты, плантаторы, мировые судьи и даже лица духовного звания.

Потому его и приговорили к заключению всего на десять лет, хотя он и совершил раз в десять больше разбоев и убийств.

Я никогда не забуду отвращения, с которым смотрел на этого дьявола в человеческом обличье. К счастью, в тюрьме я пробыл недолго и почувствовал какое-то облегчение, когда сел на лошадь.

Но несколько фактов стали мне вознаграждением за этот жуткий визит.

Я понял, что если труд в тюрьме и не перевоспитает преступника, то хотя бы избавит честных граждан от многих неприятностей.

Эту истину я уяснил себе далеко не сразу после упомянутого визита. Тогда я был слишком молод, беззаботен, и меня мало волновали вопросы политической экономии.

Лишь спустя много лет я понял смысл перевоспитания трудом. Поймут ли это и другие государства и последуют ли примеру штата Теннесси?

Глава II. Любезное приглашение

- А теперь куда вы поедете? – спросил мой спутник, когда мы снова выехали на тракт.
- В Новый Орлеан.
- Верхом?
- Верхом.
- Но ведь отсюда тысяча миль! Это займет по меньшей мере месяц пути! На пароходе и то нужно плыть целую неделю.
- Я знаю.
- О, видимо, на то у вас есть свои причины. Вы, наверное, занимаетесь торговлей?
- Он взглянул на мою дорожную сумку, но это не сильно помогло. Она совсем не походила на кладь коммивояжера.
- Нет, – ответил я, – к сожалению, не могу сказать, чтобы причина, по которой я избрал этот способ путешествия, была так серьезна.
- Я знаю, – продолжал незнакомец, – что многие ездят верхом до Мемфиса, когда Камберленд мелеет и нельзя найти лодки; но верхом до Нового Орлеана... Признаюсь, я не верю своим ушам. Вы, вероятно, шутите?
- Вовсе нет!
- Простите меня за нескромность и настойчивость. Я спрашиваю потому, что мне кажется невероятным предпринимать такое длинное и тяжелое путешествие без важных причин.
- С удовольствием постараюсь объяснить причины моего решения. Я приехал из Нового Орлеана в Нэшвилл на пароходе. Все, вынесенное из этого путешествия, я мог бы узнать, если бы сидел в своем номере в любой гостинице. А мне хочется познакомиться ближе с вашей прекрасной страной, потому я и еду верхом. А с парохода что увидишь?
- О, теперь я вас понимаю! Без сомнения, вы правы. Так как вы незнакомы с нашей страной...
- Совсем незнаком, – подтвердил я.
- И так как вы путешествуете лишь для того, чтобы удовлетворить свое любопытство, то вы, конечно, не особенно торопитесь. Я уже показал вам тюрьму штата Теннесси; надеюсь, вы позволите мне теперь показать вам нечто менее мрачное: хлопковую плантацию, например... Но, может, вы их уже видели?
- Нет.
- Отлично. Я уверен, что это вас заинтересует.
- Благодарю, – ответил я, – тем более что мне и так хотелось посмотреть на такую плантацию.

– Вы позволите мне теперь показать вам нечто менее мрачное

Любезность моего спутника очаровывала меня все больше и больше.

– Итак, если вы согласны, я буду счастлив показать вам мою плантацию, или, вернее, плантацию моего отца. Она не очень велика. Тут вообще нет таких больших имений, как на юге, в Алабаме или в штате Миссисипи. Мы на самом севере зоны, еще пригодной для обработки хлопка, и потому хлопок часто страдает от морозов. Но все же вы сможете составить себе точное представление о главном богатстве Теннесси. Я же с большим удовольствием послужу вам гидом.

Я не колеблясь принял это любезное приглашение – случай осмотреть плантацию, который я искал и сам, не стоило упускать.

Я уже детально осмотрел на юге сахарные и табачные плантации, но не имел ни малейшего представления о разведении и обработке хлопка, который составляет главный предмет торговли южных штатов.

Я поспешил еще раз поблагодарить своего спутника за любезность, тем более что он меня совсем не знал.

Он загадочно усмехнулся в ответ на мои слова и произнес:

– Я, может быть, нехорошо сделал, не сказав вам сразу, что вы мне, если позволите, не вполне не знакомы, хотя я знаю вас только по рассказам.

– По рассказам? Но что вы могли обо мне слышать?

– Мне кажется, по крайней мере, что я вас узнал. Если не ошибаюсь – вы плыли около месяца тому назад вверх по Миссисипи на пароходе «Султанша»?

– Совершенно верно.

– Не заметили ли вы среди ваших спутников молодой девушки – ее зовут мисс Вудли?

Я не забыл мисс Вудли уже хотя бы потому, что, однажды увидев, ее нельзя было забыть. А я имел возможность видеть ее довольно часто, так как проплыл с ней на одном пароходе более тысячи миль. Она села на пристани, расположенной по Миссисипи ниже Викасбурга. До пристани ее сопровождал брат, а потом она плыла одна до Нэшвилла, пересев, так же как и я, на другое судно в устье Камберленда. Но хотя она и путешествовала одна, нельзя было сказать, что она одинока. Как на «Султанше», так и на небольшом пароходе, на который мы сели потом, она притягивала к себе все взгляды. По крайней мере дюжине пассажиров путешествие показалось слишком коротким, и я, откровенно говоря, тоже был из их числа.

Я имел честь быть представленным прелестной мисс капитаном «Султанши», моим соотечественником. Но она была окружена таким количеством поклонников, что на мою долю выпадали лишь редкие минуты познакомиться с ней несколько ближе.

Сходя в Нэшвилле, я простился с ней, потому как не думал, что когда-либо увижу ее снова. Она жила милях в пятидесяти от Нэшвилла. Мисс Вудли сама мне это сказала, но, разумеется, не приглашала меня к своим родителям.

После этих объяснений читатель не удивится, что имя мисс Вудли, произнесенное моим любезным спутником, заставило меня привстать в седле и посмотреть с интересом на незнакомца.

– Да-да, – ответил я, – мы плыли с мисс Вудли на одном пароходе.

– Я так и думал, – ответил незнакомец. – Она очень точно вас описала. Я увидел, как вы выезжали из города, и поспешил за вами.

Мне стало интересно, откуда мой спутник знает прекрасную пассажирку «Султанши». Я предположил, что он живет с ней по соседству, и этим объяснил то обстоятельство, что ему обо мне уже рассказывали.

Мне не хотелось думать, что это ее жених. Он был слишком красив для того, чтобы мне могло быть приятно такое предположение.

Не успев даже спросить, я уже получил ответ из его уст:

– Я очень рад, что вы приняли мое приглашение! Уверен, сестра также рада будет вас видеть.

– Так вы, значит, брат мисс Вудли?

– Да, у нее двое братьев. Я – младший, а старший, Генри, не живет с нами: у него плантация по Миссисипи, ниже Висксбурга. Сестра проводит там зиму, а летние месяцы живет с нами. Я тут же подумал с тайной радостью, что лето еще не миновало.

Мы ехали рядом мелкой рысью. И время от времени, как старые знакомые, перекидывались несколькими словами.

Никогда я не чувствовал такого сильного желания посетить хлопковую плантацию и ознакомиться во всех подробностях с разведением и обработкой хлопка.

Глава III. Нат Брэдли

В течение нескольких часов я все ждал, что мой спутник вот-вот въедет в какие-нибудь из попадавшихся нам по пути ворот, украшенные затейливыми надписями и ведущие на плантацию или в жилой дом.

– Далеко нам еще ехать? – спросил я как можно более равнодушно, чтобы скрыть свое нетерпение.

– Еще очень далеко. По крайней мере, миль пятьдесят. До ночи мы туда не доберемся, а потому лучше переночевать в Колумбии.

– А далеко до нее?

– Не близко. Видите ли, в этой части страны нет земли, пригодной для разведения хлопка. Здесь слишком холодно и, как я говорил, холод часто убивает молодые кусты. Плантация моего отца расположена довольно далеко от большой дороги, на одной из малых рек, впадающих в Дак-Ривер. Там очень хорошая почва для хлопка. Однако приходится слишком далеко возить его к пристаням. В этом году мы хотим отправить весь сбор в Новый Орлеан на собственной барже. Отец считает, что экономия покроет расходы по постройке судна, и уже строит баржу. Понимаете, речка проходит как раз посередине наших владений. Она достаточно глубока, чтобы по ней можно было сплавить лодку до Дак-Ривер. А оттуда уже ничего не стоит транспортировать урожай до Огайо и далее по Миссисипи. Это вполне разумно. После сбора неграм совершенно нечего делать, а полдюжины под командой опытного лодочника смогут довести груз до Нового Орлеана без больших издержек. На пароходе дорого, да и перевозка до причала немало стоит. Ближайшая к нашей плантации пристань находится за тридцать миль. На повозку не положишь больше четырех тюков, а мы собираем ежегодно до ста пятидесяти. Судите сами, какой огромный обоз. А заимев баржу, мы сможем грузиться в нескольких футах от пресса, на собственной земле.

Все эти подробности так заинтересовали меня, что я почти совсем забыл о другой причине, которая влекла меня на плантацию.

В этом способе вести дело было что-то оригинальное, чисто американское. Весь урожай, полученный в самом центре территории, в месте, окруженном густыми непроходимыми лесами, перевозился на рынок, находившийся более чем за тысячу миль от места сбора, – но не по железной дороге, не на пароходе, не через комиссионера, берущего известный процент с рыночной цены, а собственными силами землевладельца. Он, таким образом, напрямую выходил на потребителя. Где такое увидишь, кроме Америки?

Погруженный в размышления об этой важной и интересной экономической задаче, решавшейся так просто, я забыл на время о своем спутнике, который пробудил во мне эти мысли. Его громкий голос вывел меня из задумчивости. Он поздоровался с человеком, ехавшим нам навстречу. У этого человека тоже был вид путешественника: лошадь его покрывали пот и пыль, а к седлу крепились две набитые седельные сумки. На вид всаднику было лет двадцать пять.

Одет он был как плантатор, но не так, как молодой Вудли. На незнакомце тоже была панама, но вместо белой льняной куртки он носил свободного кроя рубашку на пуговицах из голубой ткани и такого же цвета брюки. Так одевались креолы из штата Луизиана, а от них и другие американцы, которые переселялись вниз по Миссисипи, переняли этот стиль.

– Едешь из Нэшвилла, Уолт? – обратился незнакомец к моему спутнику.

– Нат Брэдли! – воскликнул молодой плантатор, явно удивленный неожиданной встречей.

– Да, он самый!

– Но как ты здесь оказался? Откуда ты?

Тот засмеялся.

– Я побывал на родине. И знаете, подумал в который раз: хорошо я сделал, что когда-то уехал отсюда! Безумие – оставаться здесь. Вот Миссисипи – другое дело, там деньги! А здесь... Ну, стоит ли разводить хлопок тут? Я просто уверен, что каждый из моих негров соберет два тюка, пока вы один наскребете!

– Да, молва дошла и сюда, что у Ната Брэдли дела идут хорошо.

– А все равно мне мало дела до хлопка! Я не таков! Мне подавай возможность сразу нажиться... Ну, а у вас как? Хороший будет урожай?

– Надеюсь.

– Сколько тюков?

– Отец предполагает, что соберем тюков двести.

– Ну, это совсем неплохо, тем более, если вам удастся доставить их в сохранности на рынок! Я слышал, вы хотите их везти на барже?

– Да, она уже строится.

– Одобряю. Это хорошо и практично придумано. Расход небольшой, зато вы не платите ни за перевозку, ни за страховку. Да и эти пароходы не так уж надежны. То ли дело прежние плоскодонные баржи! Я, по крайней мере, всегда ими пользуюсь; в последний раз сэкономил вдвое против того, что мне стоила бы перевозка на пароходе... Вы прямо из Нэшвилла?

– Да.

– Не слышали, не идет ли пароход вниз?

– Нет, не слышал.

– Хорошо, если бы шел, – мне нужно в Миссисипи. Да, а Корнелия здесь?

– Да, сестра у нас.

– Жаль, что я ее не увидел, но ведь мы с вашим отцом не слишком большие друзья, с тех пор как... ну знаете... Однако чертовски жарко!

Последнее замечание, видимо, было сделано для того, чтобы переменить разговор, так как мой спутник, по-видимому, был недоволен тем оборотом, который приняла беседа.

– Да, жарко, – согласился он.

– Невыносимо жарко. Лучше убраться отсюда поскорее. Вы прямо к себе на плантацию?

– Да, туда.

По тону вопроса Брэдли и по тому, как он при этом взглянул на меня, видно было, что он ожидал другого ответа. В этом быстром и беглом взгляде я прочел инстинктивную подозрительность и антипатию.

– Ну, до встречи, Вудли, – произнес он, слегка отвернувшись, чтобы скрыть свое раздражение.

И, бросив на меня снова быстрый взгляд, на который, однако, я ответил тем же, Нат Брэдли прищипорил лошадь и вскоре исчез на нэшвиллской дороге.

Глава IV. Скользящий тип

Эта встреча произвела на меня неприятное впечатление, даже тягостное. В манерах только что встреченного нами человека было что-то возмутительное, приводившее меня в негодование. Это чувство зародилось почти сразу же, как я встретил его.

Хотя мы ни слова не сказали друг другу, в его взгляде я прочел безотчетную неприязнь, и уверен, что и он в моем ее тоже почувствовал.

Я сразу понял, что он был тем, кого в Южных Штатах кличут «задирой». И слова, и весь его тон говорили об этом. Но его нахальство не могло замаскировать ту низость, которая сквозила во всех его чертах. В его круглых и несколько сутуловатых плечах, в короткой и толстой шее было что-то, говорившее, что он, не задумываясь, сможет пойти на любое преступление. Не требовалось видеть ни рукоятки пистолета, торчавшей из-за его пояса, ни кинжала, чтобы понять, что он готов по малейшему поводу и даже без всякого повода пустить в дело это оружие.

Вид этого совершенно излишнего вооружения сразу возбудил во мне отвращение. Оно еще больше усилилось, когда я услышал, каким тоном Брэдли говорил с моим спутником, обращавшимся с ним намного вежливее.

А когда Брэдли заговорил о сестре молодого плантатора, когда я заметил досаду последнего и, наконец, те взгляды, которые бросал на меня Брэдли, я готов был вызвать его на ссору, и, может быть, между нами произошла бы какая-нибудь неприятность, задержись он немного дольше.

– Это ваш приятель? – спросил я Вудли.

– О нет!

– Значит – друг вашего отца?

– Отец его терпеть не может.

– Видимо, это просто ваш старый знакомый: он как будто хорошо осведомлен обо всех ваших делах.

Говоря это, я все думал о мисс Вудли. Почему Брэдли сказал, что не видел ее? Почему моему спутнику так не понравилось, что он о ней заговорил?

– Да, – ответил молодой плантатор, – это старое знакомство. Он хорошо знал наши дела, по крайней мере, до последнего времени. Я должен вам сказать, что мы даже воспитывались вместе. Его плантация была по соседству, теперь же большая ее часть входит в состав нашей. Потому-то он и сказал, что посетил свою родину.

– А теперь он уже не ваш сосед?

– Нет, он все продал.

– Вот оно что...

– Да. Нат считался здесь тем, кого мы в Теннесси зовем сорвиголовой, если не хуже. Он мало работал, тратил много денег, бывал в сомнительных местах и вращался в не менее сомнительном обществе, как и его отец. В один прекрасный день Брэдли вынужден был все продать, чтобы уплатить долги. Так как его земля граничила с нашей, то мы купили большую ее часть и нескольких его невольников. Эти негры рассказывают про Ната ужасные истории. Если они хоть наполовину верны, его следует избегать и опасаться. Меня особенно удивляет, что мой брат бывает у него и сам его частенько принимает.

– Ваш брат?

– Да, его плантация в Миссисипи, недалеко от той, о которой говорил Брэдли. Кажется, он в самом деле зарабатывает много денег, как писал мне брат. У него около сотни негров, и его карманы всегда набиты золотом. Никто не знает, что ему помогло выбраться на поверхность. Но мне думается, что Нат добывает средства в игорных домах Нового Орлеана. Мой брат Генри

пишет, что он ездит туда зимой, живет там некоторое время и возвращается всегда с деньгами. В прошлом году он купил для своей плантации около пятидесяти негров, я уж не говорю о том, что владения его тоже расширились. Вы вроде бы говорили, что были в Новом Орлеане?

– Был.

– Много там играют?

– Да, очень много.

– Тогда не удивительно, что Брэдли составил себе состояние игрой. Если при этом играют в покер, то, конечно, он всех обыгрывает. Еще ребенком он обставлял в эту игру негров своего отца.

– Он играл с неграми?

– Он может играть с кем угодно, лишь бы у соперника было что проиграть. Это было еще до того, как он отсюда уехал. Он довольно долго ошивался здесь, даже после того, как потерял плантацию. Чего только не происходило – петушинные бои, пьянство, драки – некоторые говорили о худшем. Не удивляйтесь, почему я был с ним так холоден, хотя мы и школьные товарищи.

– Я ничуть этому не удивляюсь. По-моему, вы вправе держать его от себя на еще большем расстоянии.

– Да, наверное. Хотел бы я, чтобы мой брат поступал так же!

– Но что же их связывает?

– О, многое! Генри принимает его у себя, а этот мерзавец может там свободно говорить с Корнелией, как он называет нашу сестру. В Миссисипи довольно странные нравы. Как вы знаете, там большинство земель принадлежит всевозможным спекулянтам, которые ничуть не заботятся о том, с кем они имеют дело, лишь бы те платили. Брат мой – славный малый, но неразборчив в знакомствах – ему бы только было с кем поохотиться. Страсть к охоте и заставила его поселиться там, хотя он в этом и не признается. В наших краях редко встретишь медведя, а серны и антилопы почти совсем перевелись, на берегах же Миссисипи много и пушного зверя, и пернатой дичи.

– Да, я тоже слышал об этом.

– Но извините, я вам порядком, должно быть, надоел своими разговорами, да и наши лошади подустали. Вот гостиница старого Спайсера; если угодно, мы там пообедаем и отдохнем, а вечером, когда спадет жара, поедем дальше в Колумбию.

Мы сошли с лошадей перед воротами гостиницы «Лафайет» и, обменявшись любезностями с хозяином – майором Спайсером (в Теннесси все содержатели гостиниц – по меньшей мере майоры), передали лошадей вышедшим неграм. В гостинице нам подали жареный картофель и поросенка. Этого было достаточно, чтобы подкрепиться, а вечером, после отдыха, мы снова пустились в путь.

Глава V. На плантации

Из всех эпизодов моей жизни я ни об одном не вспоминаю с таким удовольствием, как о моем кратком пребывании на хлопковой плантации Вудли.

Мне показали зеленые зерна хлопкового растения, покрытые как бы легким пухом. Показали, как их сеять, как отделять сорняки от молодых побегов. Я видел, как растение принимает сначала форму белоснежного цветка, как потом лопается плодовая коробка, появляется кусок белого хлопка. Я познакомился также и со сбором хлопка, со способом его прессовки, упаковки и окончательного приготовления к отправке на рынок.

Все это мне в основном рассказывал Уолтер Вудли, но и его очаровательная сестра участвовала в этих беседах, которые я, наверное, никогда не забуду. Они были настолько интересны, что я с удовольствием прослушал бы их еще раз и остался бы для этого даже до следующего сбора урожая, но в своем положении случайного гостя я, конечно, не мог этого себе позволить. Поэтому, пробыв на плантации неделю, я уехал.

Казалось, ничто не могло омрачить жизнь такого счастливого семейства, как Вудли, но я все же чувствовал, что что-то не так. Впрочем, это были лишь смутные догадки, но и их оказалось достаточно, чтобы огорчить меня.

Я не забыл Ната Брэдли, той развязной манеры, с которой он говорил о делах Вудли, а в особенности того тона, которым он выражался о Корнелии.

О Брэдли не раз упоминали в семье Вудли, и Уолтер не преувеличивал, говоря об антипатии своего отца к Брэдли. Старый джентльмен всегда говорил о нем в самых резких выражениях и называл не иначе, как «этот негодяй». Видно, ему было известно что-то серьезное об этом человеке, и настолько серьезное, что он не решался рассказать этого ни детям, ни слугам.

Никто и не думал пробовать защищать бывшего соседа в глазах старика. Уолтер также часто соглашался с отцом. Одна лишь мисс Вудли хранила молчание.

Однако раз или два мне удалось заметить под этим молчанием как бы внутреннюю борьбу или желание прекратить разговор о Брэдли.

Я не знал, что и предположить. Существовала ли какая-нибудь тайна между Брэдли и мисс Вудли, или, может, здесь таился роман? Во всяком случае, эта мысль причинила бы мне боль даже тогда, когда я едва знал мисс Корнелию; теперь же, когда я почувствовал к ней подлинную привязанность, она огорчила бы меня еще больше.

Правда, с моей стороны это было лишь предположение, но один случай, происшедший незадолго до моего отъезда, подтвердил предположение.

Я часто ходил к небольшому бассейну на реке, где строилась баржа для хлопка, и с большим интересом следил за работами. Судно походило сначала на Ноев ковчег, но мало-помалу принимало определенную, хотя все же весьма странную, форму. Постройкой руководил белый, специалист по кораблестроению. Звали его Билл Блэк. При нем был еще один белый, лоцман с Миссисипи. Остальные рабочие были негры: плотники, слесари и конопатчики. Некоторые из них должны были отправиться в Новый Орлеан с грузом хлопка, как только постройка будет закончена.

Я все больше и больше интересовался постройкой и оснасткой судна, хотя Билл Блэк вовсе не был расположен посвящать меня в тайны своего искусства. Несколько раз, когда я заходил на работы один, он принимал меня с такой сомнительной вежливостью, что пришлось поставить его на место. Товарищ его тоже не отличался учтивостью. Поведение этих субъектов дало мне очень печальное представление о местных рабочих, но потом я узнал, что они нездешние. Оказалось, что корабли работали то там, то здесь, в зависимости от того, куда их позовут, или, вернее, где они найдут работу.

Однажды вечером Уолтер Вудли отлучился из дому, сестре же его нужно было с ним поговорить, и несколько человек отправились его искать.

Посланные не возвращались долго. Я подумал, не пошел ли Уолтер посмотреть строящуюся баржу, а так как делать мне было нечего, то я и отправился по направлению к реке. Она протекала ярдах в восьмистах от дома, через бывшие владения Ната Брэдли.

Подойдя к реке, я увидел, что никого из рабочих там не было. Солнце уже давно село, и все они ушли ужинать.

Мне незачем было спешить домой, и я пошел дальней тропинкой, пролегавшей через небольшое поле хлопчатника. Под кустарниками было уже совсем темно. Небо покрылось облаками, и я едва видел тропинку. Время от времени вдоль нее вспыхивали фосфорические огоньки светлячков, но они меня только путали, потому что беспрестанно перемещались и кружились. Я должен был продвигаться вперед как можно осторожнее, от дерева к дереву, и останавливаться едва ли не на каждом шагу, чтобы убедиться, не сбился ли я с тропинки.

Глава VI. Странная беседа

Закурив сигару, я почти уже вышел из хлопковых зарослей, как вдруг услышал неподалеку голоса. По-видимому, двое мужчин вели между собой разговор, и разговор, судя по их тону, серьезный. Я остановился и взгляделся в темноту. Навстречу мне шли двое. Вскоре они со мной поравнялись.

Было так темно, что я едва различал их; они же меня совсем не видели.

Я хотел было их окликнуть, чтобы не столкнуться с ними, как вдруг узнал один из голосов. Это был строитель баржи – Блэк. Собеседником мог быть его помощник Стингер.

Вовсе не желая с ними встречаться, я отошел немного в сторону, чтобы они меня не заметили. Тогда я расслышал их разговор:

– Так говоришь, будет по крайней мере двести тюков, да, Билл?

– Да, урожай очень хороший.

– Тем лучше. Позаботься, чтобы лодка была достаточно большая, Блэк. Нужно увезти все тюки сразу.

– Можете быть спокойны: я скорее сделаю лодку больше, чем меньше.

– Отлично. Если все удастся, то это будет одно из наших лучших дел... Не замечаешь ли ты, что как будто табаком пахнет?

– Да.

– Кто-то тут недавно курил. Это запах сигары. Вероятно, проклятый иностранец или Уолтер Вудли тут недавно прошли.

Около полминуты не слышно было ни звука. Они остановились и прислушивались.

Меньше всего на свете я желал бы сейчас встретиться с Блэком и его спутником. Это был не Стингер. Я узнал бы его по голосу. Этот же голос я уже где-то слышал, но все-таки не узнал.

Я стоял совершенно неподвижно, вынув сигару изо рта и повернув ее зажженным концом к ладони. Я надеялся услышать еще что-нибудь интересное из их тайного разговора.

Кто это мог так интересоваться постройкой баржи и судьбой урожая мистера Вудли?

Может быть, управляющий?

С ним я раз или два разговаривал, но не запомнил его голос настолько, чтобы узнать его. Я вынужден был ограничиться только предположениями, потому что собеседники пошли дальше, говоря так тихо, что я не мог расслышать ни слова.

Вскоре они оказались далеко от меня.

Убедившись, что они тоже не могут услышать моих шагов, я пошел дальше, раздумывая об этом случае. Голос незнакомца так и раздавался у меня в ушах, но я все не мог понять, кому он принадлежит. Я все-таки думал, что это был не управляющий. Придя домой, я убедился, что прав в своем предположении. Управляющий стоял на пороге и, конечно, не мог меня обогнать.

Уолтер также был дома, и я передал ему обрывки услышанного мной разговора.

– Это, вероятно, кто-нибудь из соседей интересуется нашими делами, – сказал он с беззаботным смехом. – Впрочем, я не могу сказать, кто из них мог быть к нам так доброжелателен. А, – сказал он, подумав, – кажется, догадываюсь. Мы обещали уплатить процент с продажной цены за каждый тюк, который дойдет до Нового Орлеана не подмоченным и целым. Это, вероятно, какой-нибудь друг Блэка, поздравлявший его с выгодным делом.

– Может быть, – сказал я, хотя сомнения мои так и не рассеялись.

– Представьте, – сказал Уолтер, переходя на другой предмет, – я ходил после обеда к соседу, и вообразите, кого встретил!

– Как я могу угадать? Ведь я здесь никого не знаю.

– Вы, однако, видели этого человека и кое-что о нем слышали.

– Кто же это?

– Нат Брэдли!

– Нат Брэдли? Он здесь? Но ведь он говорил, что уезжает домой.

– Да, но это, как видите, вовсе не мешает ему быть здесь.

– Что же он тут делает? – спросил я с некоторым беспокойством.

– Кто знает! Он не слишком-то обрадовался, когда встретил меня. Вероятно, ему пришло в голову, что мне покажется странным его пребывание здесь, ведь он сам мне сказал, что едет к берегам Миссисипи. Нат уверяет, что не было попутного парохода в Нэшвилл. Хотя я точно знаю, что это ложь. Я слышал, что недавно оттуда отправился пароход, и как раз тогда, когда Брэдли там был, если, конечно, он действительно туда ездил. Если бы он хотел, то мог бы на него сесть. Это опасная личность. Никто не знает, что он тут делает, зачем сюда приехал. Брэдли говорит, что здесь есть поблизости торговец неграми, у которого он рассчитывает купить по дешевой цене нескольких рабов, а потом поедет верхом в Мемфис и там сядет на пароход. Не знаю, правда ли это. Во всяком случае, у него теперь много денег, потому что он говорил мне о покупке двадцати невольников.

Я надеялся услышать еще что-нибудь интересное из их тайного разговора

Слушая это длинное объяснение, я вдруг поймал себя на мысли, что догадался, кто разговаривал с Блэком. Это был тот самый голос, который так неприятно поразил меня, когда произносил имя мисс Вудли...

Я тут же поделился с Уолтером своими подозрениями.

– Возможно, – ответил он. – Однако я не знаю, знаком ли Брэдли с Биллом Блэком, и не вижу, какое ему может быть дело до нашего хлопка и до того, в один или в два рейса пойдет он в Новый Орлеан.

Я знал об этом не больше, но еще долго не мог выкинуть это из головы, даже после того как мы сменили тему беседы.

Странная вещь! Ни по соседству, ни на плантации никто, кроме Уолтера Вудли, не знал о появлении Брэдли.

В те три дня, которые прошли между этим случаем и моим отъездом, я навел справки и выяснил – никто не знал, что Нат Брэдли здесь. Его первое посещение вызвало много толков, как их всегда вызывает появление человека, уехавшего разоренным и через несколько лет вернувшегося снова богатым.

Что же касается второго посещения, сделанного совершенно тайно, то, очевидно, оно было сделано с такой целью, в которой Брэдли неудобно было признаться перед соседями.

Заключение это было логично. Оно часто приходило мне в голову и, не знаю почему, очень меня беспокоило.

Глава VII. Страстный охотник

Несмотря на мое нежелание покинуть своих хозяев, я наконец должен был на это решиться. Дольше оставаться здесь было неудобно. Однако я сильно привязался к Уолтеру, а в особенности, к его очаровательной сестре, и потому с большим удовольствием согласился на предложение заехать к их брату Генри. Его плантация была мне по пути, с ним я мог бы поохотиться на зверей, убеждала меня мисс Корнелия. Она, а может быть, и Уолтер, приедут туда на зиму, так почему бы мне не подождать там их прибытия?

Вряд ли кто-нибудь на моем месте отклонил бы такое предложение, я же просто не в силах был это сделать. Пообещав заехать к мистеру Генри Вудли, снабженный рекомендательными письмами к нему, я распростился со своими хозяевами и снова направился на юг.

Через несколько дней я приехал на плантацию Генри Вудли и представил ему письма. Мне обеспечили самый лучший прием, о каком можно было только мечтать. Впрочем, я думаю, что был бы почти так же желанным гостем и без этих писем. Мне стоило только сказать, что я страстный охотник, чтобы Генри Вудли принял меня с распростертыми объятиями. Письма же сделали то, что между нами установились совсем приятельские отношения. Генри Вудли принял меня так, как будто я вместо простого письма его сестры привез ему чек на тысячу долларов.

У Генри Вудли все очень отличалось от того, что я видел в старом семейном доме Вудли. Вместо комфортабельного, почти роскошно мебелированного жилища, меня проводили в более чем скромный дом. Он был скорее похож на хижину, без всякой претензии на изящество, спрятанный под высокими деревьями и окруженный рощами магнолий, лимонных и апельсиновых деревьев, пальмами и всеми сортами растений из соседних лесов. За главным домом располагались хижины работавших на плантации негров, а также кухни и конюшни.

Несмотря на простоту, дом имел очень живописный и приятный для глаза вид. Да и в практической Генри Вудли нельзя было отказать: он имел все необходимое для жизни.

На псарне содержалась дюжина охотничьих собак, у некоторых из них были боевые рубцы – следы когтей медведя или пантеры. Меня это взволновало особенно – значит, хозяин действительно охотник, как и я, и мне здесь скучно не будет.

Страсть к охоте заставила Вудли выбрать себе это место, вдали от родных. Ради этого он согласился терпеть ежегодно летнюю жару, ужасную в этой местности, дышать миазмами болот Миссисипи и отказаться от состояния, которое мог бы нажить на табачных или хлопковых плантациях. Он довольствовался тем зерном и фуражом, которые собирал со своих полей и лугов, лишь бы ему этого хватало на прокорм своих людей, лошадей и собак.

Мне уже случалось встречать людей, которые занимаются якобы земледелием, а сами проводят три четверти жизни на охоте или рыбной ловле. Земледелие для них – только предлог или средство избежать другого занятия, отнимающего больше времени, средство самооправдания в ничегонеделании. Такие типы сотнями встречаются в долинах Миссисипи и тысячами – в девственных лесах Америки.

Внутри дома, как и снаружи, все указывало на то, что хозяин – настоящий охотник. Всюду висели охотничьи трофеи: рога, шкуры, клыки, а также холодное оружие всех видов и ружья всех калибров.

Через некоторое время после моего приезда хозяин посвятил меня в жизнь южного охотника, и вскоре я узнал все способы охоты, практикуемые в этом краю.

Менее чем через месяц у меня уже насчитывалось порядочное количество трофеев: шкуры черного медведя, красной пумы, пятнистой рыси, черных и серых волков, опоссумов, морских кроликов. В моей коллекции появились рога вирджинской серны, шкуры аллигаторов и кайманов юго-западных рек.

Птиц также было немало, и первое место в моей коллекции занимал роскошный экземпляр индюка весом в тридцать фунтов. Я также убил большого американского ястреба, лебедя-трубача, птицу-змею, красного ибиса и много других птиц, которые встречаются только на южных берегах Миссисипи.

Однако здесь не хватало самой редкой и драгоценной птицы – белоголового орлана. Несколько раз мне случалось видеть этих величественных птиц, когда они парили на недостижимой высоте или, ловя рыбу, летали вдоль берегов реки. Но, как большая часть членов семейства хищных птиц, белоголовые орланы боялись человека, и к ним очень трудно было подойти на расстояние выстрела. Мы узнали, что они водятся на одном острове, расположенном по реке милях в пятидесяти ниже плантации. Весной там видели гнездо, а несколько позже – молодых орлят.

Когда эти птицы устраивают где-нибудь гнездо, то к ним легче приблизиться. Зная это, я и решил нанести им визит.

На этот раз мне пришлось пойти без мистера Вудли, но с одним из его негров, Джейком. Мы с ним уже не раз ходили на охоту, когда хозяин бывал занят, и я мог оценить охотничью опытность и сноровку в управлении челноком, которую проявлял Джейк.

Негр хорошо знал остров, хотя ни разу не высаживался туда. Меня удивило, что он, видимо, не особенно был рад туда ехать. Нам предстояло плыть около двух часов по реке, а на возвращение требовалось еще больше времени, так как течение было здесь очень быстрым. Я думал, что это и смущает Джейка, и надеялся, что его нежелание плыть пройдет, когда мы отчалим.

Глава VIII. Белоголовый орлан

Мы отправились сразу после восхода солнца и, как объяснил мой провожатый, попали в очень быстрое течение, которое становилось все опаснее, по мере того как мы приближались к острову.

К берегу причалить было почти невозможно – мешали корни и водовороты. К счастью, мы заметили поваленное дерево, которое было наполовину погружено в воду. К нему мы и пристали и крепко привязали челнок.

Ухватившись за ствол, я выскочил на берег.

Не знаю почему, мне казалось, что гнездо должно быть неподалеку и я скоро его найду.

Так как негр, видимо, не собирался выходить на берег и помогать мне в моих поисках, я согласился на его предложение посторожить челнок и оставил его.

Его поведение показалось мне несколько странным, но я не настаивал, причем он не слишком бы был полезен мне в поисках орлана. Остров, казалось, был невелик, и я легко мог пройти его вдоль и поперек. Если птицы здесь есть, я непременно их увижу или услышу, и мне было даже удобнее идти одному, так как Джейк, не очень-то умелый охотник, легко мог их напугать.

Но я вскоре убедился, что пройти весь остров будет гораздо труднее, чем мне думалось поначалу. Громадные кипарисы, переплетенные лианами, а также целый лес мелких кустарников сильно затрудняли движение. Кроме того, густая листва задерживала солнечные лучи, и, хотя солнце взошло не более четырех часов назад, казалось, что вот-вот наступит ночь. Ветви были также переплетены лианами и испанским мхом и образовывали вместе с листвой почти сплошной навес.

Я даже понемногу стал отчаиваться, что не найду орланов, так как не мог разглядеть даже самого солнца.

Я уже почти решил вернуться назад, как вдруг неподалеку увидел луч света, пробивавшийся сквозь густую растительность, в которой я находился. Я подумал, что добрался до противоположного берега острова, и, желая в этом убедиться, пошел на свет.

Это оказалась всего лишь небольшая поляна, образовавшаяся вокруг мертвого дерева, лишенного листьев, что и позволяло солнечным лучам освещать землю, проходя меж высохшими ветвями. Это дерево, громадный лириодендрон², было, по-видимому, разбито молнией. Кругом ползало множество паразитов, долгие годы кормившихся корой этого гиганта. Громадные побелевшие ветви тянулись к небу, как руки скелета. Верхушка была обожжена, но все же возвышалась над остальными деревьями. В ее расщелине я заметил кучу ветвей, по-видимому, от другого дерева. Присмотревшись, я обнаружил, что эти ветки крепко сплетены, и догадался, что это и было гнездо, которое я искал.

Пока я смотрел, запрокинув голову, раздался странный звук. Он был похож на лязг резца скульптора о мрамор или даже на смех безумца, сбежавшего на свободу. Эхо тотчас же подхватило этот звук, и остров как будто сразу населился демонами. Но шум не испугал меня. Я знал – это кричали белоголовые орланы. Я едва успел зарядить ружье, как четыре громадные птицы, закрыв своими темными крыльями свет, появились у меня над головой.

Я ждал, не спустятся ли они к гнезду, чтобы можно было выстрелить наверняка, но они не спускались, и я, боясь, что они улетят, решил стрелять. По-видимому, они заметили меня, и их крик послужил сигналом тревоги. В тот момент я бы многое отдал, чтобы со мной был карабин, заряженный крупной дробью! Но в моем распоряжении находилось лишь одноствольное

² Лириодендрон (также известен как тюльпанное дерево) – растение семейства магнолиевых, произрастающее в Северной Америке.

охотничье ружье с пулей. Орланы продолжали кружиться вокруг разбитого дерева. Только у двоих из них были белые хвосты и головы. Двое других были темного цвета. Это были молодые, еще не по-настоящему оперившиеся детеныши.

Я выбрал из первых двух того, который был побольше, прицелился и выстрелил.

Птица, раненная в крыло, упала к моим ногам, но я не успел схватить ее; крича и хлопая здоровым крылом, она бросилась в чащу. Я побежал за ней и только ярдов за сто от того места, где она упала, догнал и прикончил ударом приклада. Это была самка.

Три других орлана улетели, оглашая весь остров пронзительными криками.

Глава IX. Остров дьявола

Гордый своим трофеем, я взвалил его на спину и собирался уже вернуться к Джейку. Но не прошел и нескольких шагов, как я понял, что заблудился. Преследуя раненую птицу, я потерял из виду сухое дерево и снова очутился в полутьме. Я стал искать свои следы. В спокойном состоянии я мог бы найти их, но сложно было оставаться спокойным, когда колючки так и втыкались со всех сторон в мое тело. Предполагая, что остров имеет в поперечнике не больше трех-четырёх миль, я решил идти напрямик в любом направлении и выйти таким образом к берегу, а там уже, идя вдоль берега, дойти до того места, где остался Джейк.

Я пошел прямо и, как ожидал, вскоре увидел свет. Потом показалось небо, а через несколько шагов и вода. Но подойдя поближе я увидел, что это не река, а болото или, вернее, лагуна. Затем я увидел канал, следуя по которому, мог бы выйти к реке. Чтобы не обходить потом кругом весь остров, я вернулся назад и пошел по другому берегу канала. Идя вдоль лагуны, я обратил внимание на какой-то челнок, который принял сначала за ствол дерева. Он был привязан к высокому кипарису, до половины закрытому росшими вокруг латаниями³. Сначала я подумал, что на острове есть еще какой-то охотник, но рассмотрев привязь, сделанную из дикого винограда, понял, что челнок оставили здесь несколько месяцев тому назад. Вероятно, это было какое-нибудь негодное, гнилое, брошенное или забытое судно.

В раздумье я рассматривал берега этого небольшого залива и заметил другие следы пребывания здесь человека, хотя и несвежие. В одном месте земля была несколько утрамбована, как будто здесь часто приставали к берегу, вокруг валялись куски грубого полотна, применяемого для упаковки хлопка, в другом месте лежала куча золы.

Следы в таком уединенном месте очень меня заинтересовали, и я несколько минут их рассматривал, раздумывая, кто бы мог здесь быть.

Однако, так и не решив этого вопроса, я вынужден был продолжить путь к своему челноку. Я снова стал продираться сквозь чащу и, дойдя до берега, окликнул Джейка. Тот отозвался, и я пошел на голос и вскоре был уже возле челнока.

– Мой очень доволен, масса, что вы вернулись целый и невредимый, – сказал негр на своем ломаном языке, когда я сел в челнок.

– А разве что-то могло случиться? – спросил я, удивленный его тоном и той поспешностью, с которой он отчалил от берега.

– О, на этом острове нечисто!

– Как «нечисто»?

– Не знаю, масса, не знаю. Но говорят, что ночью там видели дьявола. Мне самому это говорили рабы массы Брэдли. Его плантации недалеко отсюда, по другую сторону, только никто из его негров сюда не ходит.

– Так откуда они это знают?

– Не знаю, масса, не знаю. Никто не решается ходить на этот остров. Только это уж точно, что дьявол часто здесь высаживается.

Теперь я понял, почему мой черный спутник ехал со мной с такой неохотой.

Я лишь посмеялся над его суеверием и стал упрекать негра, почему он не сказал мне этого раньше, ведь я мог получше осмотреть это любопытное владение дьявола.

Потом я подумал о криках орланов, о царствующей на острове темноте, о лагуне и челноке, привязанном на берегу; мне вспомнились эти переплетенные лианами и испанским мхом ветви, и я перестал удивляться суеверию бедных негров соседних плантаций и страху моего спутника.

³ Латания – род пальмы.

Мрачный вид этого места мог легко внушить ужас суеверным по природе чернокожим. Но, очевидно, брошенный челнок и другие следы, которые я заметил, могли бы при более тщательном осмотре подсказать мне, кто же тот демон, который, по мнению Джейка и его знакомых с плантации Брэдли, облюбовал это мрачное место.

Глава X. Плантация на острове

Во время нашего долгого плавания Джейк успел порассказать мне много любопытного о Нате Брэдли и его плантации.

Жилище Ната Брэдли было расположено на большом острове, образуемом Миссисипи и ее прежним руслом. Река эта часто меняет русло; оба ее берега, в особенности правый, изрыты бочагами, заливами, лагунами и каналами. Вода то исчезает из них, то появляется снова, то роет новые, как будто по капризу, но так или иначе покинутое русло или лагуна всегда превращаются в тинистое стоячее болото.

На таком-то острове и поселился Нат Брэдли. Одно, впрочем, удивляло моего спутника: как «Масса Брэдли», приехав с двумя или тремя рабами, в короткий срок смог раздобыть столько, что их оказалось больше, чем у сквайра Вудли в Теннесси? Он скупал рабов везде, где они продавались, даже таких негров, которых по непригодности к работе уже никто не хотел покупать. Но он умел их держать в руках, и с его плантации негры никогда не убегали. Иногда они уходили отсюда на ночь, но утром всегда возвращались.

А ведь они легко могли укрыться где-нибудь в окрестностях, и никто не подумал бы выдать их господину. Очевидно, тут была какая-то загадка.

Эти сведения очень заинтересовали меня, так как дополняли те, которые я собрал раньше; но мне еще интереснее было узнать, какого рода отношения существовали между Брэдли и Генри Вудли. Я уже знал, что они были близкими друзьями, но мне хотелось понять, почему.

Я уже настолько узнал здешние нравы, что мне было известно, как мало придается здесь значения нравственности того или другого плантатора. Колонисты, поселившиеся на древней земле индейцев-чоктавов, были далеко не рыцари без страха и упрека. Без страха-то они, пожалуй, и были, но их безупречность была, во всяком случае, сомнительна. Для них богатства и умения искусно владеть револьвером вполне хватало для того, чтобы признать человека достойным уважения. А Нат Брэдли был как будто создан для того, чтобы блистать в обществе Виксбурга и его окрестностей.

Виксбург – это город, которым за несколько лет перед описываемыми событиями завладела банда, состоявшая из негодяев всевозможных национальностей. Некоторое время на улицах города царил какой-то нескончаемый хаос. Горожанам приходилось очень даже не сладко.

В конце концов бандиты были схвачены, но старая закваска так и осталась в этом краю. Пребывание злодеев сильно отразилось на нравах населения. То, что рассказывалось про Ната Брэдли, про его выходки и характер, никого не удивляло и доказывало лишь, что он вполне достоин жить среди колонистов Миссисипи и водить с ними дружбу.

Но Генри Вудли по своему характеру ничуть не подходил Брэдли. Редко встречались люди более противоположные, более неспособные подружиться. Правда, Генри жил немного как дикарь, делил хлеб-соль с не очень-то цивилизованными людьми, но по натуре был мягок, казался скорее даже застенчивым, хотя это и не свойственно охотникам.

Я не мог объяснить себе, как такой человек находит удовольствие в обществе Ната Брэдли. Но мне было неудобно беседовать о своем хозяине с его невольниками. Не будь я особенно заинтересован двумя близкими ему лицами, я и не завел бы этого разговора, но любопытство мое было так возбуждено, что я не удержался от косвенного вопроса.

- А ты, Джейк, кажется не очень-то любишь Ната Брэдли?
- Да и никто из нас, негров, его не любит. Его просто ненавидят все!
- Ну а ведь белые его уважают?
- Не знаю, масса, не знаю.
- Как «не знаешь»? Твой господин, например, большой друг Ната Брэдли.

– Масса Генри?

– Да, мистер Генри.

– Да ведь он со всеми дружен.

– Правда?

– Да, он мухи не обидит, комара на собственном носу не убьет. Вот на охоте – до медведей, до пантер – он зол. Охота и собачий лай его возбуждают; он становится совсем другим человеком, когда у него ружье в руках и он стоит перед дичью. А так он очень добр.

– Да, он любит охоту и охотников. Но Нат Брэдли, кажется, и не охотится никогда; почему же твой господин его так любит?

– Кто знает! Может, любит, а может, и нет.

И после этого уклончивого ответа Джейк подналег на весла и некоторое время хранил молчание.

Зная, что сын Африки никогда не закончит разговор так неопределенно, я ждал, когда Джейк заговорит сам.

Ждать пришлось недолго. Взмахнув веслами еще несколько раз, он сказал:

– Может быть, масса, тут есть и особые причины. Здесь, как и везде, бывают странные случаи; может быть, один из них и есть причина...

Джейк, видимо, старался говорить так, чтобы не выдать себя, но и поболтать ему тоже хотелось.

Мне оставалось предоставить его самому себе и только слегка поощрять его время от времени.

– Да, вероятно, это не настоящая дружба. Тут что-нибудь да есть...

– Скрытое, – подхватил Джейк. – Не сомневайтесь в этом, сударь; негры-то это хорошо знают.

– Тайна какая-нибудь?

– Да, масса, тайна.

– Интересно – какая?

Сердце мое сильно билось, когда я задавал этот вопрос и ожидал на него ответа. Я думал, что негр сейчас заговорит о мисс Вудли.

– Видите ли, масса, – сказал негр после некоторого размышления, – я думаю, что вы друг масса Генри, и не знаю, почему бы мне не сказать вам, какие у него дела с Натом Брэдли.

– Я – искренний друг твоего господина, – ответил я серьезно. – И ты можешь мне вполне довериться, Джейк.

– Ну вот, масса. Как-то масса Генри и много других охотников поехали на большую охоту. Масса Брэдли тоже там был, это, кажется, единственный раз, когда он был на охоте. К концу дня все сели отдохнуть, выпить и закусить. После закуски стали играть в карты, кажется, по предложению масса Брэдли. Вы знаете, что масса Генри никогда не играет в карты, а тут он стал играть, так как все были навеселе. Сначала играли в покер, потом во французскую игру баккара. Все ставили огромные куши. Масса Генри – вы знаете какой он горячий – ставил больше других и, не умея играть, все время проигрывал. Так он проиграл две тысячи долларов! И знаете, кто все выиграл?

– Кто?

– Масса Брэдли! У масса Генри, разумеется, не было такой суммы, кто же возьмет с собой на охоту столько денег?

– Конечно.

– Ну, он и дал Брэдли расписку на эту сумму. Расписка находится до сих пор у Брэдли, потому что масса Генри еще не заплатил долга. Поэтому-то масса Генри и должен делать вид, что дружен с этим человеком. Вот, масса, и объяснение их дружбы.

– Думаю, ты прав, – сказал я. – Надеюсь, что твой хозяин действительно так много должен Брэдли.

– Как «надеетесь»? Вы говорили, что вы друг масса Генри. Как же вы можете желать, чтобы он был действительно должен две тысячи долларов этому человеку?

Джейка очень возмутило мое высказывание, и не удивительно, я отвечал машинально и совсем не подумал о том ложном значении, которое мог придать негр моему ответу. Он не мог угадать той тайной эгоистичной мысли, которая вызвала у меня это восклицание.

– Нет-нет, – поторопился я его успокоить. – Я хотел только сказать, что очень рад, что между ними нет ничего более важного. Денежная рана несмертельна, да и, в конце концов, две тысячи долларов уж не бог весть какая сумма для богатого плантатора.

– Для богатого плантатора – может быть. Но для масса Генри это огромная сумма. При жизни отца он не сможет ее выплатить. Он не выручает почти ничего со своей плантации, он даже проживает больше, чем получает. Ах, будь прокляты эти карты! Они годятся только для таких людей, как Нат Брэдли. К счастью, масса Генри с тех пор не играл – и то утешение.

То, что мне рассказал негр, возбудило мое любопытство еще больше. Несмотря на нежелание показаться ему нескромным, я не мог перестать его спрашивать.

– А часто бывает мистер Брэдли у твоего господина?

– Это зависит...

– От чего?

– От времени года.

– Ты хочешь сказать, что он чаще бывает в какое-то одно время года?

– Да.

Джейк становился уже неразговорчивым. Приходилось допытываться и выжимать из него слова.

– Вероятно, он бывает чаще тогда, когда у него здесь дела?

– Вероятно. Летом он бывает редко, раз или два за все время. Но зимой – другое дело. Говорят, у масса Брэдли бывает в это время много дел в Новом Орлеане.

– Но если б у него было много дел, так ему некогда было бы бывать здесь.

– А он находит время, – сердито заметил негр.

– Но как?

– Да, по правде сказать, когда сестра масса Генри здесь, так и он бывает, вот что!

Хотя я и был к этому готов, но все-таки это задело меня настолько, что я насилу мог скрыть это от моего собеседника. Немного справившись с собой, я спросил с беззаботным видом:

– Он, вероятно, жених мисс Вудли?

– Может – да, а может, и нет.

Я считал неосторожным продолжать задавать вопросы. Впрочем, мне и самому тяжело было говорить об этом.

К тому же кем была мисс Вудли для меня? Чувствовал ли я к ней что-нибудь, кроме искренней дружбы? К чему мне было вмешиваться в дела, которые меня не касались? Корнелия Вудли – не ребенок. Если она позволила любить себя этой подозрительной личности или даже сама любит Брэдли – к чему мне-то ввязываться? И она и ее братья были мне чужими. Я не имел права давать им советов, и из их ласкового приема вовсе не следовало, что они должны руководствоваться моим мнением.

Конечно, мне лучше всего было избежать всякого вмешательства в это дело, а для этого оседлать лошадь и уехать.

Это несколько изменило бы мою программу, но этого требовали обстоятельства. Перспектива увидеться снова с мисс Вудли, такая приятная прежде, теперь была для меня тяжела.

Обещание, которое я ей дал, не имело особой важности, и я легко мог его не сдержать, да и она не должна была особо на это обижаться.

Эти грустные размышления были прерваны восклицанием моего спутника:

– Помяни про дьявола, и он тут как тут. Однако теперь мы, может быть, увидим и ангела.

– Ангела? О чем ты говоришь, Джейк?

– Посмотрите туда: что вы там видите, масса?

– Пароход.

– Ну, так вот на этом пароходе и находится ангел. Я уверен, что она там.

– Ничего не понимаю.

– Да что же тут непонятного, масса? Видите, пароход остановился около плантации масса Генри?

– Да.

– Значит, на нем есть пассажиры, которые хотят здесь высадиться. В Новый Орлеан мы зерна не посылаем, так, значит, это и есть мисс Вудли. Я вам говорю! Посмотрите, и пароход этот «Чероки», он ходит вверх по Камберленду и доходит до Нэшвилла.

Негр не ошибся. Десять минут спустя пароход прошел мимо нас, едва не потопив нашу скорлупку, и я прочел название, написанное крупными буквами на борту: «ЧЕРОКИ».

Я не мог оторвать взгляд от великолепного судна, в роскошных каютах которого находилась та, что занимала все мои мысли в последнее время. Но я никак не мог отделаться от мрачного предчувствия...

А по приезде на плантацию я прежде всего узнал, что туда приехала мисс Вудли и что с нею от Нэшвилла ехал Нат Брэдли!

– *Посмотрите туда: что вы там видите?*

Глава XI. Гости-враги

Действительно, мистер Брэдли приехал вместе с мисс Корнелией и был принят как желанный гость.

Мне едва удалось, несмотря на все усилия, скрыть свое недовольство. Однако я стал несколько сдержаннее, когда решил на другой же день распрощаться с моими хозяевами, которые прежде были так мне симпатичны. Теперь же один вид их заставлял меня страдать.

Брэдли уехал с плантации до наступления ночи. Он высадился здесь, потому что на его земле не было пристани. Его вызывали зачем-то в Висксбург, и, возвращаясь оттуда, он встретил на пароходе мисс Вудли.

Все это я узнал из разговора с хозяином, но мне слабо в это верилось. Не было никакого сомнения, что в Висксбург Брэдли ездил вовсе не по делу, а чтобы встретиться с мисс Вудли. Распрощавшись с Генри, Брэдли уехал, взяв лошадь у своего должника. Он обещал вернуть ее на другой день. Я твердо решил уехать до его возвращения.

Но подумать об этом было гораздо легче, чем исполнить. Редко случается, чтобы бабочке удалось улететь от огня, не сгорев. Так было и со мной.

Известие о моем отъезде было воспринято мистером Генри с удивлением. Так быстро и неожиданно уехать! Он и слышать ничего не хотел! Это, говорил он, было бы для него крайне неприятно. Он только что собирался сделать в честь моего приезда большую облаву на медведя. Не могу же я его так огорчить!

– Правда, ведь вы не уедете? – спросила меня мисс Вудли, когда мы на минуту остались одни. – Почему вы так заторопились уезжать?

Я не знал, что ей ответить.

– Это очень плохо, – говорила она все настойчивее. – Это даже невежливо, нелюбезно, – прибавила она с обворожительной улыбкой. – Вы с удовольствием жили здесь, пока меня не было. Я могу подумать, что именно из-за меня вы уезжаете.

Не мог же я ей сказать, что она угадала.

Я хотел что-нибудь ответить, уверить ее, что мое решение неизменно, как-то объяснить ей причину своего поступка, может быть, обратиться к ней с какими-нибудь упреками... К счастью, она сама великодушно помешала мне попасть в смешное положение. Девушка подошла ко мне и сказала почти умоляющим голосом:

– Останьтесь! Брат так огорчится, узнав о вашем отъезде... и я тоже! Если вы уедете, я буду убеждена, что вы уезжаете из-за меня.

Что означала эта просьба? Или мисс Корнелия действительно симпатизировала мне, или она смеялась надо мной. В первом случае она была очаровательна, во втором – вела себя как жестокая кокетка. Как мне было понимать мисс Вудли?

Чтобы знать, как себя держать, я ответил ей так:

– Ни вы, ни ваше присутствие не могут быть для меня помехой. Меня гонит отсюда присутствие человека, отъезд которого опечалит вас, я уверен, гораздо больше, чем мой.

Единственным извинением моей грубости были те тайные страдания, которые я испытывал. В глазах мисс Вудли я прочел горестное изумление. И сразу понял, что теперь она со мной не кокетничает.

– О ком вы говорите? – спросила она.

Я колебался – отвечать или нет. Может быть, мой ответ огорчит ее, да я и не имел права обвинять ее в том, что она предпочитает не меня.

К счастью, вернулся ее брат и начал снова уговаривать меня остаться. На этот раз он преуспел. Короткого разговора с его сестрой было для меня достаточно, чтобы переменить свое решение. Я снова стал надеяться, но даже сам не признавался себе на что.

Я дал убедить себя, что мое присутствие при облаве на медведя просто необходимо. На другой день Нат Брэдли, как и обещал, вернул мистеру Генри лошадь. Он приехал с невольником и велел тому расседлать лошадь и отвести ее на конюшню. Это говорило о том, что он думает пробыть на плантации несколько часов.

Нас, разумеется, познакомили, и я должен был о чем-то говорить с человеком, к которому чувствовал глубокое отвращение.

Мы холодно раскланялись, обменялись несколькими словами, но присутствие мистера Генри и мисс Вудли, конечно, сдерживало нашу взаимную неприязнь.

Всякий раз когда мисс Вудли выказывала интерес к тому, что я говорил, или когда обращалась ко мне, лицо Брэдли темнело. Как-то он даже наградил меня таким угрожающим и дерзким взглядом, что я готов был тотчас же потребовать у него объяснений, но потом сдержался, подумав, что мне нужно только радоваться, если я возбуждаю его ревность.

Несмотря на это, положение становилось для всех затруднительным. Мистер Генри был, видимо, не в своей тарелке, чувствуя, как мало мы подходим друг другу. Его сестре тоже не удавалось скрыть своего напряжения.

К счастью, подоспело известие, которое вывело нас из этого положения. Прибежал Джейк, который весь день был в лесу, и радостным голосом сообщил, что голуби в громадном количестве прилетели к вязовой роще и усыпали все деревья.

Из всех присутствующих один я не понял, в чем дело, и попросил растолковать, что это значит. Оказалось, что весьма распространенные в Америке перелетные голуби устроили отдых в лесу из вязов, недалеко от плантации, чтобы наскоро подкрепиться и снова пуститься в путь. Как ни незначительна эта дичь, но все-таки охота на нее – довольно редкая забава, и где эти птицы встречаются, даже охотник на медведя не откажется пострелять голубей. Так было и с моим хозяином. Едва услышав слово «голуби», он схватил ружье и предложил нам последовать его примеру. Ни я, ни Нат Брэдли не заставили себя просить дважды, и мисс Вудли осталась дома одна.

Глава XII. Опасности голубиной охоты

Я не буду описывать подробно голубиную охоту, хотя то, как она здесь проводится, не лишено интересных подробностей. Это не убийство, не бойня, как можно себе представить по словам Джейка, рассказывавшего о «тучах» птиц.

Хотя, как и все перелетные птицы, голуби во время перелета не так осторожны, как обычно, но все же они до известной степени держатся настороже, так что охотнику редко удастся увидеть двух или трех птиц на одной ветке. Требуется большое искусство, чтобы неслышно проскользнуть под деревьями и добраться до самой стаи. Обычно, стоит только приблизиться на хороший ружейный выстрел, как какой-нибудь более опытный или не такой голодный голубь подает сигнал всей стае и улетает. За ним следуют остальные и выбирают новое место для отдыха, ярдах в ста от прежнего.

Не всегда, однако, вся стая повинуется этому сигналу. Некоторые голуби небольшими группами беззаботно остаются на земле или ветвях и представляют собой легкую добычу.

Большей частью охотники и стреляют по этим отдельным голубям. Они устраивают из этого нечто вроде состязания. Но так как почти все уверены, что с каждого выстрела уложат хоть одну птицу, то и предпочитают не рисковать и не пускаться в преследование всей стаи, может быть, напрасное.

Так и сделали несколько молодых охотников с соседних плантаций, которые нас здесь опередили, вероятно, потому, что были раньше извещены о прилете. Одни были вооружены ружьями, другие карабинами. У меня и у Брэдли были ружья. Как всякая лесная охота, голубиная бывает довольно опасной из-за многочисленности охотников. К тому же и листья еще не облетели, так как осень наступила недавно.

Каждый охотник стреляет по своему усмотрению, не заботясь о других, и так как птицы сидят то высоко, то низко, а когда и совсем на земле, то выстрелы не всегда бывают направлены вверх.

Я был новичком по части этой забавы и не подозревал, что она так опасна, как вдруг пуля, просвистевшая у меня мимо уха и слегка обжегшая щеку, показала, что голубиная охота – далеко не безобидное занятие. Пуля пролетела от меня слишком близко и ударила в стоявшее позади дерево. В ту же минуту я услышал звук выстрела.

Моим первым движением было пойти к неловкому охотнику и отругать его за неосторожность. Но я не знал, кто он. Его скрывали от меня кусты. Я предположил, что на этих кустах и сидела птица, по которой он стрелял.

Но пуля должна была непременно пробить ее насквозь, потому что иначе я заметил бы вспорхнувшую птицу, а я ничего не видел, кроме легкого дыма, поднимавшегося из-за кустов. Предположить же, что охотник стрелял в птицу, сидевшую на дереве, в которое попала пуля, я не мог. Я стоял близко от дерева, и так грубо промахнуться мог только тот, кто никогда даже не видел ружья. Низких же кустов за мной не было.

Я довольно быстро направился туда, где увидел дымок, но не нашел там никого. Выстрелы продолжались, я видел двух или трех охотников, но все были далеко от меня.

Это стечение обстоятельств показалось мне странным. Можно было предположить, что тот, кто по неосторожности чуть не убил меня, скрылся, чтобы не быть уличенным. Но где же тогда голубь? Я должен был его видеть, когда он падал или когда улетал. Я тщательно осмотрел кусты, но не нашел ни убитой или раненой птицы, ни следов крови. Недалеко от того места, где раздался выстрел, валялся пыж – небольшой кружок войлока.

Но он не мог навести меня на след стрелявшего. Я был крайне заинтригован! Теперь я был просто убежден, что выстрел этот прозвучал не случайно.

Я ничего не видел, кроме легкого дыма, поднимавшегося из-за кустов

Пуля могла навести меня на след, и я пошел к дереву, в котором она засела, и осторожно вырезал ее ножом. По своей величине она превосходила обыкновенную охотничью и весила около двадцати фунтов. Это должно было помочь мне найти ствол, из которого она вылетела. Хотя охотники бродили по всему лесу, я все же постарался найти случай стать рядом с каждым из них и незаметно проверить калибр их ружей. Я подошел так к пяти незнакомым охотникам, потом к мистеру Генри, но к Брэдли не подходил. Из всех охотников только двое были вооружены ружьями, и ружья эти были мелкого калибра. Значит, пуля, которая чуть не пробила мне голову, вылетела из ружья Брэдли. Тогда я убедился окончательно, что я-то и был тот голубь, в которого он стрелял.

Не говоря никому об этом случае, я стал решать, что мне делать.

Обвинять Брэдли в том, что он пытался меня убить, было бы нелепо. С чего ему меня убивать? Мы друг друга не знали, не ссорились, ни разу не случилось ничего, что могло бы служить основанием для такого обвинения. Даже если предположить, что Брэдли и выстрелил, никто не поверит, что он стрелял не в голубя, а в меня. Его упрекнули бы в неосторожности, но никак не в таком тяжком и невероятном преступлении. По многим причинам я решил, что лучше будет оставить свои подозрения при себе и лишь по возвращении домой поделиться ими с мистером Генри.

Тем не менее я решил выяснить наибольшую дальность стрельбы ружья Брэдли и тщательно наблюдать за его направлением при последующих выстрелах. Для этого не следовало терять его из виду.

Я стал его искать, но узнал, что его уже нет среди охотников. Кто-то заметил это вслух; другой охотник возразил, что тут нет ничего удивительного. Нат Брэдли никогда не любил охоту. Вероятно, он один вернулся домой.

Глава XIII. Отвергнутый

Я не могу высказать всех мыслей, которые пришли мне в голову по поводу Ната Брэдли и его странных действий. Я помню только, что эти мысли были мрачны и горьки. Не раз я чувствовал приступы страшной злобы против этого человека, который покушался меня убить и который, вероятно, нашел средство заставить мисс Корнелию Вудли полюбить его. Я не мог не чувствовать, что эта мысль причиняет мне особенную боль.

Я легко нашел объяснения для исчезновения Брэдли, мне не нужно было расспрашивать о нем, я уже знал, что он вернулся в дом Вудли. Я почувствовал это, сразу же как убедился, что его среди нас нет. Мисс Вудли оставалась дома в одиночестве, и неудивительно, что этот подлец не упустил такого случая.

Тем более не удивительно, что охота на голубей потеряла для меня всякую привлекательность, и я сам задумал пойти домой и посмотреть, что делается у Вудли. Не сообщив никому своего намерения, я вышел из леса и двинулся по направлению к дому.

Я шел медленно, раздумывая, имею ли я право прервать это свидание, одна мысль о котором приводила меня в бешенство. Мне не хотелось так неожиданно вторгаться к ним, словно захватчик. Но мое негодование и даже это опасение обостряли мое любопытство, и я пошел дальше с видом человека, самовольно решившего принести себя в жертву.

Около дома была небольшая площадка, сплошь засаженная зеленью и напоминавшая своим видом плодовый сад. Но плодовых деревьев там не было, росли только декоративные. Площадка эта была огорожена. Тропинки пересекали ее во всех направлениях, а в самых густых и тенистых местах были поставлены скамеечки.

Через этот садик проходила дорога, шедшая от вязовой рощи к дому. Бесшумно отворив калитку, я направился к нему, но вдруг услышал два голоса и сразу узнал их. Первый голос принадлежал Брэдли. Я остановился и прислушался. То, что он говорил, было настолько интересно, что мне даже не пришло в голову устыдиться своей роли соглядатая.

– Так это решено окончательно? – говорил он.

Я пропустил начало разговора, но было ясно, что он скорее напоминал допрос, нежели обыкновенную беседу, это подтвердили и последующие фразы.

– Да, – ответила мисс Корнелия. – Это бесповоротное и окончательное решение.

– Вы находите меня недостаточно богатым? Вы хотите выйти замуж за крупного землевладельца с громадным состоянием, который мог бы окружить вас той роскошью, какой вы достойны? Поэтому вы мне отказываете?

– Позвольте вам сказать, мистер Брэдли, что это как раз и не имеет никакого отношения к моему отказу.

– Ну, скажите правду, Корнелия! Если вы отказываете мне из-за этого, то я, может быть, сумею вас разубедить, может быть, я могу обещать вам кое-что...

– Всякие обещания бесполезны. Я была честна с вами. Бесполезно возобновлять этот разговор. Я сказала и повторяю: Нат Брэдли, я никогда не буду вашей женой.

Молодая девушка так энергично подчеркнула эти слова, что мое сердце радостно забилося.

Наступило молчание. Я с волнением дожидался ответа моего соперника.

Он заговорил наполовину угрожающим, наполовину умоляющим тоном:

– Не говорите так, Корнелия, не говорите!

Несколько секунд он помолчал.

– Так вы не хотите? Не хотите? – заговорил он снова. – Хорошо же! Но клянусь небом, пока я жив, вы не будете женой другого, а если и будете, то сразу же овдовеете. Клянусь Богом, что, даже если это будет стоить мне жизни, я все-таки убью того, кто на вас женится, в тот

самый день, как он станет вашим супругом. Теперь выбирайте: или вы моя жена, или вдова какого-нибудь безумца. Если бы я думал, что это может быть тот щенок, что гостит у вашего брата, я бы немедленно с ним покончил, черт возьми... Еще до заката солнца...

– Нат Брэдли, – прервала молодая девушка дрожащим от негодования и презрения голосом, – я не собираюсь выслушивать подобное! Ступайте вон, или мой брат узнает, какие вольности позволяете вы себе со мной в его отсутствие.

На эту резкую отповедь ответа не последовало. Слышны были только легкие удаляющиеся шаги да шуршание платья.

Я понял, что мисс Вудли сразу же положила конец разговору, уйдя к себе.

Что касается меня, то я был рад, что мне пришлось в голову последовать за моим соперником. Окончательно успокоившись, я хотел пойти опять в лес, чтобы до наступления ночи убить хоть несколько голубей. Однако слово «щенок» так и раздавалось в моих ушах, и при воспоминании о нем я снова слышал свист пули Брэдли. Я пошел к тому месту, где он разговаривал с мисс Вудли и столкнулся с ним лицом к лицу.

Если бы это был мой призрак, клянусь, он бы не смог ужаснуться еще больше. Он был, по-видимому, убежден, что убил меня, это и стало причиной его ужаса и смущения, когда он увидел меня целым и невредимым. Во всяком случае, нахальство на минуту оставило его. Голос негодяя слегка дрожал, и он боязливо смотрел на меня.

– Позвольте осмотреть ваше ружье, господин Брэдли, – сказал я.

– Ружье?! – воскликнул он с наигранным удивлением. – С удовольствием. Но позвольте узнать, зачем оно вам?

– У меня в кармане лежит пуля, пролетевшая в дюйме от моей головы. Мне хотелось бы узнать, не из этого ли ружья она послана.

– Боже мой! Как вы можете даже думать об этом?

– Черт возьми! – ответил я, приставив пулю к дулу ружья Брэдли и убедившись, что она к нему подходила. – Вы-то как раз и оказались так неловки. Позвольте же попросить вас: когда будете снова охотиться, стреляйте по дичи, а не по таким «щенкам», как я.

И, не ожидая ответа, которого, впрочем, и не последовало, я круто повернулся и, выйдя из калитки, присоединился к охотникам и стал палить с таким усердием и увлечением, что сам себе удивлялся.

Никто ничего не знал о случившемся, и я счел бесполезным рассказывать Вудли, какой малости не хватило для того, чтобы завтра ему пришлось готовить мне гроб.

Возвратившись домой, мы застали мисс Вудли одну.

– Где Нат Брэдли? – спросил ее мистер Генри.

– Не знаю, – ответила она.

Расспросив слуг, мы узнали, что, вернувшись на плантацию, Брэдли приказал оседлать лошадь и уехал, ни с кем не простившись.

Генри не увидел в этом ничего странного. По его мнению, Брэдли был вообще человеком, привыкшим действовать свободно и по собственному усмотрению. Меня же этот неожиданный отъезд удивил еще меньше. После разговора с хозяйкой дома Брэдли только и оставалось уехать, а после разговора со мной – и подавно. Вскоре этот отъезд перестал занимать нас. Я понял, что мисс Вудли и не подозревала о моем присутствии при ее свидании с Брэдли.

Я решил не говорить об этом даже ей. И до тех пор, пока соперник мой не потребует у меня ответа, я решил не поднимать никаких вопросов. Я стал думать о том, как теперь поведет себя этот негодяй. Подчинится ли он воле мисс Вудли и примет ли мою угрозу, которую он, без сомнения, понял? От такого головореза я мог ожидать, что он вызовет меня на дуэль, что в здешних суровых краях означает ожесточенный поединок на ножах, ружьях или револьверах. Я не понимал даже, почему он бездействовал в прошлый раз. Правда, его ружье не было заря-

жено, потому что он разрядил его, стреляя в меня, а пистолетов он, вероятно, не взял с собой. Ни для голубиной охоты, ни для того, чтобы делать предложение, они ему не были нужны.

Однако я рано или поздно ждал от него секунданта или, по крайней мере, письма.

Но следующий день, а за ним и целая неделя прошли без всяких последствий. О Нате Брэдли не было ни слуху ни духу.

Я заключил из этого, что между нами все кончено и что Брэдли не только подлец, но еще и трус.

Глава XIV. Угрюмый шкипер

Несколько дней спустя состоялась большая медвежья охота, о которой мне уже говорил мистер Генри, и я принял в ней деятельное участие.

Для меня это было настоящим праздником, тем более что Брэдли не было на охоте и мне не было нужды беспокоиться, что меня примут за медведя и подстрелят.

Однако мой хозяин получил за это время несколько писем, и мне почему-то показалось, что эти письма были от Брэдли.

Однажды я узнал негра, который принес письмо – тот сопровождал Брэдли в его последний приезд.

После этих писем хозяин мой казался расстроенным и подавленным. Я догадался, в чем дело. Видно, Брэдли требовал немедленной уплаты карточного долга, о котором мне говорил Джейк. Конечно, это огорчало меня, но больше всего меня мучило, что я должен скоро уехать от этих милых людей, с которыми свел меня случай.

Мои планы сильно изменились. Насколько до этих пор я старался ускорить свой отъезд, настолько теперь я силился придумать какой-нибудь приличный предлог, чтобы задержаться.

Вскоре мне подвернулся один, хотя и немного странный, повод остаться. Я сообщил, что мне вдруг вздумалось плыть в Новый Орлеан на барже. Таким образом я мог лучше рассмотреть эти края и даже поохотиться. Лошадь мою можно будет прислать потом на пароходе.

Мне и раньше приходило это в голову, но я бы вряд ли решился на подобное, не будь причины, которая заставила меня применить эту маленькую хитрость. Я знал, что баржа, нагруженная хлопком мистера Вудли-старшего, вышла из Теннесси и теперь медленно плывет вниз по реке. Она должна была прибыть сюда лишь через пару дней и выгрузить на плантацию корзины с яблоками, орехами и другими плодами, которые не росли здесь из-за тропической жары. Взамен же на нее должны были погрузить звериные шкуры, которые охотник ежегодно посылал в Новый Орлеан на продажу.

До прибытия баржи оставалась еще неделя или две, и я мог выиграть время.

Таков был мой план.

Благодаря ему я продолжил свое приятное пребывание в обществе мисс Корнелии и ее брата.

* * *

Прошла неделя, хотя, как мне показалось, пролетел один лишь день, и вот сообщили, что баржа из Теннесси подошла к пристани.

Первым моим побуждением было пожелать вслух, чтобы она находилась отсюда еще за тысячу миль. Но что было делать? Настало время уезжать.

* * *

Шкуры, которые отправлял мой хозяин, а также и мои собственные трофеи и съестные припасы, заготовленные на все время путешествия, были уже отправлены на баржу, а я все еще собирался.

Попрощавшись с мисс Вудли, но вовсе не так, как прощаются навсегда, я отправился к пристани. Мистер Генри сопровождал меня.

Я был удивлен и даже более огорчен тем, что капитаном баржи был не кто иной, как подозрительный мистер Блэк, грубые манеры которого некогда произвели на меня весьма неприят-

ное впечатление. Стингер тоже был здесь в качестве помощника. Экипаж составляли четверо негров мистера Вудли-старшего.

Это открытие заставило меня раскаться в своей опрометчивой выдумке: проплыть три тысячи миль в подобной компании, согласитесь, не слишком приятная перспектива! Но отступать было поздно, хотя капитан, кажется, тоже был недоволен тем, что я еду.

Все было уже погружено – и шкуры, и сундук с моими охотничьими трофеями, но мой собственный багаж и провизия лежали еще на земле под наблюдением негра, которому было поручено их сюда доставить. Экипаж, казалось, не обращал на них внимания и собирался уже убрать сходни.

– Мистер Блэк... так кажется? – сказал Вудли, обращаясь к капитану. – Я привел вам пассажира. Надеюсь, вы сделаете все возможное, чтобы его путешествие было приятным. Пожалуйста, позаботьтесь о нем, как позаботились бы обо мне самом.

– Пассажира?! – воскликнул Блэк с притворным удивлением, так как негры должны были уже сказать ему, что я еду на барже. – Но у меня нет места для пассажира!

– Как это нет?

– Ей-богу, нет!

– Ну, найдите где-нибудь, очистите от груза...

– У нас только и есть что маленькая комната, но в ней едва хватает места мне и Стингеру.

А негры вынуждены кое-как ютиться между тюками.

– Вынесите тогда несколько тюков на помост. Вы скоро приплывете, да и, наконец, если пойдет дождь, можно их накрыть брезентом...

– У нас нет брезента.

– Тогда используйте шкуры.

– Но...

– Никаких «но», мистер Блэк! Вы слишком много себе позволяете!

Это было сказано тоном, не допускающим возражений.

Впрочем, если капитан и не желал принимать меня на борт баржи, у него не было для этого никаких серьезных причин. Почему же он так этому противился? Я не мог этого понять так же, как и Вудли, и его удивление перешло наконец в гнев.

– Послушайте, мистер Блэк, – сказал он. – Это баржа моего отца. Мой друг захотел воспользоваться ею для поездки в Новый Орлеан, и я ему обещал. Поэтому требую, чтобы вы приняли его на борт. Не смейте возражать и прикажите людям выкатить несколько тюков на палубу.

Блэк ответил, что хлопок намокнет и от этого могут произойти затруднения при его продаже.

– Да вам-то что за дело?! – окончательно взбесился Вудли. – Я за это отвечаю, а не вы!

Я никогда не видел Генри Вудли в таком гневе. Эти возражения в ответ на его приказания в моем присутствии и в присутствии слуг привели его в бешенство.

В таком состоянии я не решился сказать ему, что был бы не против остаться на плантации. Это походило бы на то, что я хочу избежать столкновения между Генри и капитаном. Впрочем, и мне самому вовсе не хотелось уступать этому субъекту. К тому же я и так загостился у Вудли; нельзя же мне было оставаться все время у них. «Уезжать так уезжать», – решил я и предпочел бы теперь скорее разместиться под открытым небом на палубе, чем вернуться на плантацию Генри.

Капитан перестал наконец ворчать и протестовать и согласился принять меня как пассажира.

Тогда оказалось, что места было даже больше, чем нужно, и не было никакой надобности трогать тюки. В каюте хватило места даже для моего чемодана и провизии.

Генри Вудли извинился за то, что произошло; я обещал навестить его весной. Мы обменялись дружеским рукопожатием, и баржа пустилась по течению «Отца вод»⁴.

⁴ Прозвище Миссисипи.

Глава XV. Необщительные спутники

Благодаря странным действиям рулевого, которым первые шесть часов был Стингер, мы продвигались весьма медленно. Вместо того, чтобы держаться течения, он его как бы нарочно избегал. То мы плыли вдоль одного берега, то вдруг сворачивали к другому.

Около десяти миль ниже плантации Блэк приказал причалить к берегу и, выйдя на берег с одним из негров, привязал судно к большому дереву. Здесь не было ни пристани, ни какого-либо жилья – ничего, кроме густого леса.

Прежде чем выйти из лодки, Блэк прошептал что-то на ухо своему помощнику, мне же не сказал ни слова. Выйдя на берег, он сразу же скрылся за деревьями, оставив экипаж на съедение москитам.

Он пропадал добрых два часа. А по его возвращении мы снова принялись тыкаться от одного берега к другому.

Может быть, это делалось из осторожности, ввиду водоворотов, которых мой неопытный глаз мог не заметить, а может быть, и по иной причине, не понятной для меня.

Однако это меня заинтересовало. А так как мои отношения с капитаном были не из дружеских, то я не стал добиваться от него объяснений ни по поводу этого удивительного управления баржей, ни по поводу его прогулки по берегам реки.

Я обратился к негру, которого помнил по плантации Вудли-отца. Но он понимал не больше, чем я.

– Не знаю, чего это масса Стингер так правит, – сказал чернокожий. – Вероятно, так надо. Может быть, тут водовороты или крокодилы.

Мое собственное предположение было правдоподобно, но тоже не оказалось правдой. Я думал, а не хочет ли мистер Блэк наказать меня за мое насильственное вторжение на баржу. Он, может, нарочно будет делать столько объездов и остановок, что я сам попрошусь сойти с баржи в Натчезе или в Пойнт-Купе, или на какой-нибудь другой пароходной пристани.

Будь его план таков, то он, без сомнения, имел бы успех. Не прошло и дня, как мои спутники вместе с их судном так мне опротивели, что я решил сойти на первой же пристани, где мог бы дожждаться парохода.

Я подумал об этом еще до отъезда, но ничего не говорил Вудли, чтобы не огорчать его. Теперь же, когда я был один, не было причин продолжать такое неприятное и скучное путешествие. Мне оставалось выйти в Натчезе, и только, а Вудли потом уже не будет до этого дела.

Это путешествие зигзагами продолжалось бесконечно. Очевидно, хлопку моих прежних хозяев придется сильно опоздать на место назначения. Продолжая так плыть, мы не могли прибыть в Новый Орлеан ранее середины зимы.

Солнце уже село, а мы не удалились от плантации и на двадцать миль. Я заключил это из того, что мы не миновали еще того острова, где я убил белоголового орлана. Впрочем, может быть, я проглядел его, хотя смотрел довольно внимательно.

Днем, чтобы скоротать время, я брал ружье и занимался тем, что стрелял в птиц или в крупных рыб, которые плыли за баржей. Раз даже я убил довольно большого ястреба, но он упал в воду, а капитан не захотел отвязывать лодку, и я вынужден был оставить свой трофей. Тем не менее эта бесполезная охота очень развлекала меня. Это было ведь одной из причин, почему я выбрал такой способ путешествия.

С наступлением ночи поневоле пришлось прекратить это занятие и поискать другое. Но его не было. Разговаривать с такими спутниками было невозможно, книгами я забыл запастись, да и читать нельзя было при коптящей лампе, горевшей в так называемой каюте. Я не мог дольше оставаться в этой вонючей дыре в компании четырех болтливых и глупых негров, которым почему-то приказали не выходить на палубу. Двое белых, капитан и его помощник,

остались наверху, и я вышел, захватив с собой одеяло и решив провести на палубе большую часть ночи.

Днем было очень жарко, а теперь стало довольно свежо, и нужно было укрыться. Я завернулся в плащ, надев капюшон на голову. Эта предосторожность была не лишней, так как с болот дул сильный ветер. Закурив сигару, я стал ходить вдоль и поперек по круглой палубе судна, но скоро почувствовал, что в этой прогулке не было ничего приятного. Ночь была темна, пол плохо сколочен, и я ежеминутно рисковал провалиться или, споткнувшись, упасть в воду.

Я остановился на краю баржи и стал смотреть на темные волны реки, на светлячков, которые, точно падающие звездочки, носились вдоль заросшего кустами берега.

Я забылся на некоторое время, вслушиваясь в эти голоса природы, симфония которых словно охватывала меня со всех сторон. До меня доносился вой волков, слышалось как бы рыдание, похожее на мяуканье кошки – это был голос ягуара.

А ближе, вместе с пронзительными звуками сверчков, раздавались голоса ночных птиц: громкий, как труба, голос дикого лебедя, жалобный призыв совы.

Я долго так простоял, и ни одно человеческое слово не помешало мне вслушиваться в этот ночной голос природы. Четыре негра остались в глубине каюты, двое белых на палубе были молчаливы и неподвижны, как призраки. Они стояли рядом, держась за длинную рукоятку руля, и разговаривали, но так тихо, что до меня не долетало ни звука.

Я стоял как можно дальше от них, не имея ни малейшего желания присоединиться к их разговору или дать им повод думать, что я дорожу их обществом. Однако, хотя и не слыша их, я видел, что они очень оживленно обсуждали что-то. Я понял это по их жестам. Не обо мне ли они говорили?

Несмотря на темноту, я видел, что они обернулись в мою сторону. Я знал, что они недовольны моим присутствием на судне, но почему – это было мне совершенно неизвестно.

Кроме их обычной грубости и свинства, которое они демонстрировали на каждом шагу, я не мог ничего от них ждать.

Мне казалось смешным думать, что их общество грозило мне какой-либо опасностью.

Но теперь эта мысль внезапно пронеслась у меня в голове. Я вспомнил рассказы о лодочниках Миссисипи, способных на все, даже на убийство.

Но зачем им убивать меня? Багаж мой не имел ни малейшей ценности. У них не было основания предполагать, что у меня есть с собой деньги в таком количестве, чтобы из-за них стоило совершать преступление.

Наконец, здесь было четыре негра с плантации сквайра Вудли – подобное преступление невозможно будет скрыть. Нет, эта мысль была просто смешна, и я ее отогнал. Однако мне все казалось странным, чего это они так долго разговаривают. Ни направление движения баржи, ни дела в Новом Орлеане не могли вызвать беседы с такой оживленной жестикуляцией.

С наступлением ночи они даже перестали пересекать реку, руль закрепили намертво, и баржа неслась по течению со скоростью около десяти миль в час. В этом месте течение было чрезвычайно быстрым.

Думая об этом, я успел выкурить сигару. И сунул руку в карман, чтобы взять новую, но вспомнил, что оставил портсигар в каюте. Идя за ним, я прошел близко от того места, где стояли Блэк и Стингер. Один держал руль, другой стоял рядом.

Сигара – окурочек превосходной «гаваны» – еще была у меня в зубах и не потухла. Мне захотелось взглянуть на их лица, и, проходя мимо, я несколько раз сильно затынулся; огонек сигары разгорелся. Никогда еще свет не освещал двух более свирепых лиц. На них лежала печать какого-то гнусного или преступного замысла. И если бы я мог предположить, что у них есть расчет убить меня, я поверил бы этому в данную минуту, я даже не сомневался бы, что они сделают это.

Они молча посмотрели, как я прошел, и не пошевелились.

Я тоже не проронил ни слова.

Глава XVI. Человек за бортом

Спустившись в кубрик, я обнаружил четырех похрапывающих негров. Бедняги гребли целый день, совершая эти бессмысленные маневры. При тусклом свете лампы я не без труда нашел свой портсигар. Вынув сигару, я прикурил ее о пламя и подумал с минуту, не лучше ли остаться и не возвращаться на палубу, – здесь, по крайней мере, было не так холодно. Но запах смоленых досок был совершенно невыносим. Дым сигары не мог заглушить его, и я предпочел вернуться опять на палубу.

Определенно, я сделал большую глупость, поплыв на этой барже.

Поднимаясь по трапу, я услышал какую-то возню на палубе. Я не знал, что это значит, и был тем более удивлен, что Блэк и Стингер стояли в том же положении и на том же месте, как я от них ушел. Я хотел опять пройти на свое место, как вдруг услышал бешеный возглас Блэка.

– Клянусь адом, мы идем на водоворот!

И он бросился ко мне с вытянутым вперед веслом.

Прежде чем я успел отскочить, тяжелое весло ударило меня в грудь, и, не схватившись я за него обеими руками, сразу же полетел бы в воду.

Я понял истинное намерение Блэка.

– Пустите, иначе мы попадем в водоворот!

И с этими словами он выпустил весло из правой руки. При свете сигары я увидел, как в ней блеснул стальной предмет. В ту же минуту я почувствовал жгучую боль в плече, и рука моя повисла, как плеть. Я выпустил весло и упал навзничь в воду.

Несколько секунд я держался на плаву благодаря одежде, но новый удар весла заставил меня уйти под воду. У меня зазвенело в ушах, горло сдавила судорога. Я сделал отчаянное усилие и снова вынырнул на поверхность. Я уже плохо понимал, где я и что со мной. Мне казалось, что я проснулся от какого-то страшного сна.

Придя немного в себя, я вспомнил, как меня сбросили с баржи, что я боролся и что меня пытались убить ножом.

Я держался на воде не столько благодаря инстинктивным усилиям, которые я для этого делал, сколько благодаря тому, что набросил себе на голову и на плечи плащ. Он-то и поддерживал меня, иначе я давно бы потонул. Попробовав плыть как следует, я понял, что моя правая рука совершенно не работает. Я осмотрелся кругом, чтобы найти баржу. Конечно, у меня и мысли не было, чтобы кричать или звать на помощь, это было не только бесполезно, но и опасно. Я понимал, что мне стоит больше опасаться капитана и его помощника, чем вод реки и всех ее неведомых ужасов. Я предпочел довериться волнам, чем бороться с ними. Однако я не мог долго держаться. Я чувствовал, что слабею все больше и больше. Лишь прилагая страшные усилия, мне удалось не лишиться чувств и не утонуть.

Течение быстро несло меня, но не к берегу. Река была так широка, что я не видел в темноте земли. Да если бы и увидел, я не мог бы к ней приблизиться. Единственное, на что у меня еще хватало силы, это держаться на поверхности.

Скоро я должен утонуть. Эта страшная мысль все больше и больше мной овладевала, и я начал почти хладнокровно относиться к своей неизбежной гибели.

Быстро, как молния, промелькнули в голове все события моей жизни. Отец, мать, сестры, братья – все, что я недавно оставил, представилось мне с поразительной ясностью. Сердце охватила невыразимая скорбь.

И в это самое время что-то сильно толкнуло меня в спину. Холод пробежал у меня по спине, так был силен этот неожиданный толчок среди окружающей меня темноты.

Ужасная мысль промелькнула в моем мозгу. Без сомнения, это был аллигатор. Меня ожидала чудовищная смерть. Я действительно слышал, что они водятся здесь во множестве.

Я сделал отчаянное усилие, чтобы отплыть от чудовища, но напрасно. Гадина следовала за мной и снова бросилась мне на плечи.

Через несколько секунд я почувствую на себе челюсти отвратительного гада, услышу треск моих костей...

Новое усилие – и я обернулся лицом к чудовищу: так это могло кончиться скорее...

Но вместо ожидаемого ужаса ко мне пришло спасение. То, что я принял за аллигатора, оказалось стволом дерева, плывущим по течению.

Дерево было достаточно большим, чтобы удержать меня, истощенного, полумертвого от боли, усталости и ужаса.

Я с трудом вскарабкался и растянулся на нем во всю длину, благословляя Бога за спасение.

Но едва я устроился на дереве, как лишился чувств.

Глава XVII. По воле волн

Я впал в забытие и был так истощен, как будто потерял много крови.

По счастью, мой мокрый плащ, тщательно застегнутый на мне, зацепился за ствол, на котором еще осталось несколько толстых веток, и помешал мне соскользнуть в воду. Иначе я перешел бы от жизни к смерти, даже не заметив этого.

Обморок мой был непродолжителен, как я понял потом, прикинув по тому расстоянию, которое я проплыл, увлекаемый потоком.

Когда я пришел в себя, я все еще был на спасительном дереве, которое, как мне казалось вначале, все еще плыло.

Но окончательно опомнившись, я увидел, что ошибаюсь, – дерево пристало к берегу, за что-то зацепившись.

Вокруг меня было совсем темно, еще темнее, чем прежде, и я понял, что нахожусь под навесом из склонившихся над рекой деревьев или, по крайней мере, в ветвях одного гигантского дерева. Вскоре, когда глаза мои привыкли к темноте, я смог в этом убедиться при слабом свете жужжащих вокруг меня светлячков. Некоторое время спустя я с невыразимой радостью увидел, что оказался под ветвями того громадного кипариса, к корням которого Джейк привязал свой челнок, когда ездил со мной на Остров Дьявола на розыски белоголовых орланов. Ствол все еще держал меня, покачиваясь на волнах. Своими ветками он запутался в корнях кипариса, к ним же прицепился и мой плащ. Решительно все устраивалось к лучшему.

Однако мне нужно было быть осторожнее. Я знал, что течение здесь не очень сильное и лучше бы скорее сойти со ствола, избегая при этом резких движений. Действительно, малейший пустяк мог освободить дерево, и я был бы унесен на нем бог знает куда.

Я осторожно отцепил одежду от ветви и, ухватившись здоровой рукой за один из нащупанных мной корней, медленно встал и сумел перелезть на кипарис. Это потребовало немалого труда, так как мне сильно мешала раненая рука. Малейшее прикосновение к ветвям вызывало страшную боль, и я не мог удержаться от стога.

Я не знаю, сколько времени ушло на то, чтобы я, пробираясь с корня на корень, добрался до твердой земли. Наконец я упал на землю, истощенный волнениями и усталостью.

Когда я пришел в себя, я все еще был на спасительном дереве

Я не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Вскоре я понял, что причина этой невероятной слабости в огромном количестве потерянной мной крови.

Очнувшись, я первым делом перевязал рану, оторвав полосу от рубашки. Потом снял с себя намокшую одежду и развесил ее, чтобы она просохла.

Было не очень холодно. Окружавшие деревья защищали меня от ветра, и скоро так потеплело, что я почувствовал себя, как в паровой ванне. И мало-помалу, охваченный приятной теплотой, я забылся тревожным сном. Время от времени я просыпался, но сознание мое было так слабо, что иной раз я не знал, сплю или нет. Раз, однако, я почти совершенно вышел из этого забытья. Меня разбудил страшный шум. Мне послышались пистолетные выстрелы, а за ними как будто крик смертельно раненного человека.

Потом до меня донеслись крики о помощи.

Я долго прислушивался, но все снова стихло. Вокруг раздавалось лишь монотонное стрекотание кузнечиков, да порой слышалось кваканье болотных лягушек. Я подумал, что мне почудилось, и это лишь галлюцинация больного мозга. Однако я хорошо помнил, что выстрел разбудил меня, а крик и человеческие голоса я услышал, когда уже проснулся.

Я и не думал связывать это с тем, что случилось со мною на барже. С тех пор как я упал в воду, мистер Блэк и негры должны были уплыть уже далеко, слишком далеко, чтобы я мог их слышать.

Рана моя очень болела. Спать я уже не мог и принялся раздумывать.

«Почему Блэк хотел убить меня? Не может быть, чтобы причиной этого была только наша взаимная антипатия», – такие мысли крутились в моей голове.

Я ничего не понимал во всей этой истории.

Потом мне вспомнилось странное поведение моего проводника Джейка на Острове Дьявола и то, что он мне рассказывал о странных звуках, слышанных здесь по ночам. Значит, в этой легенде есть некоторая доля правды.

Я не спал весь остаток ночи. Впервые в жизни я поддался суеверному страху. И когда сквозь густые ветви дерева показались лучи утреннего света, я обрадовался так, что и описать нельзя.

Глава XVIII. Зловещие звуки

Прошло несколько часов после восхода солнца, прежде чем ко мне отчасти вернулись силы. Я был еще слаб, как ребенок, но мог, по крайней мере, держаться на ногах. Первым делом я хотел утолить жажду. Она мучила меня в высшей степени, как всегда бывает с ранеными, в особенности после большой кровопотери.

Так близко от меня была масса воды, а вместе с тем я мог напиться лишь со страшным трудом. Нужно было совершить в обратном порядке все, что я делал, когда взбирался на остров. Тем не менее мне удалось это, я пил, и мне казалось, что большего счастья я никогда еще не испытывал. Потом я вернулся на свое прежнее место.

Одежда моя успела уже вся высохнуть, и я оделся. Потом стал раздумывать, что предпринять, чтобы как-то уплыть с острова.

Я вспомнил о том заливе, на берегах которого я нашел следы пребывания людей, а также о старой лодке, которую видел под кипарисом.

Я не мог не подивиться прямо-таки чудесному стечению обстоятельств, благодаря которому мог теперь избежать смерти. Не поплыви я на эту охоту, не заметь этого челнока – сколько времени пришлось бы мне оставаться на этом острове! Могло пройти много дней, прежде чем меня заметило бы какое-нибудь судно, а за это время я успел бы умереть с голоду.

Перевязав руку снова, я сделал из остатков рубашки перевязь, чтобы поддерживать ее, и направился к маленькому заливику. Но я попал туда не сразу. Скорее случайно, чем по памяти, нашел я разбитое дерево, на котором было гнездо орланов. Когда я выходил на поляну, птицы встретили меня криками и, кружившись надо мной, улетели прочь.

Самое трудное было позади. Я уже знал, в каком направлении от этого дерева лежит заливчик, и, припоминая дорогу, по которой шел, я вскоре увидел между деревьями блестящую поверхность воды.

Но в тот же момент я внезапно остановился.

Я слышал человеческие голоса!

Люди, которых я не видел, разговаривали негромко, но очень оживленно. Очевидно, они были на берегу того самого залива, к которому я направлялся.

«Это новый шанс спастись, – подумал я. – Без сомнения, это какие-нибудь охотники».

Итак, я имел возможность уплыть с острова, не пользуясь челноком, которым управлять мог лишь одной рукой.

Я уже собирался поздравить себя с новой удачей, как один из голосов послышался яснее.

И волосы у меня встали дыбом, как только я узнал этот голос!

Он принадлежал человеку, который несколько часов назад пытался меня убить.

Да, это был голос капитана Блэка!

После нескольких минут размышлений ко мне вернулось хладнокровие, и ужас сменился глубоким удивлением.

Что мог делать капитан баржи на этом острове? Вероятно, баржа была тоже там, причем со всем ее экипажем: со стороны лагуны слышалось несколько голосов. Но что случилось? Может, ее здесь чинили?

Я не думал, что Блэк остановился здесь, чтобы меня искать. Они хотели от меня избавиться и теперь наверняка были уверены, что преуспели в этом. Конечно, если бы Блэк и Стингер заметили, что я избежал смерти, они не упустили бы случая покончить со мной навсегда.

Правда, негры сквайра Вудли были здесь. Днем только их присутствие и останавливало Блэка от расправы надо мной. Но бедные рабы не смогли бы мне сейчас помочь. Даже как на свидетелей на них нельзя было положиться – страх перед хозяевами заставит их сказать что угодно. И негодяи нашли бы способ убрать их со своего пути, как они делали это прежде, стоит

только приказать им не высовываться из кубрика. Тогда Блэк и Стингер отволокут меня за деревья и убьют как им вздумается. А я был слаб, ранен и безоружен, и у меня не было сил оказать даже малейшее сопротивление.

Все это промелькнуло в моей голове за долю секунды. Под влиянием этой страшной встречи я стоял как вкопанный, так близко к ним, что сухая ветка, треснув под ногой, могла бы меня выдать. Непонятно, как до сих пор они не обнаружили моего присутствия.

Несколько минут я стоял в нерешительности, потом мне пришло в голову, что кто-нибудь может подойти сюда и меня увидеть. Около меня рос громадный кипарис. Его нижние ветви поднимались над землей не более чем на фут. Здесь мне можно было спрятаться и ждать.

Стараясь не шуметь, я залез в самую середину ветвей и остановился только тогда, когда увидел, что достаточно хорошо укрыт зелеными листьями. Я дрожал, как беглец, знающий, что его преследуют и вот-вот заметят его убежище.

Какое-то время я оставался здесь, охваченный мрачным предчувствием. У меня были более чем серьезные причины бояться Блэка и его сообщников!

Я не смел пошевелиться; казалось, что даже мое частое дыхание способно выдать меня.

Я сидел уже около часа, пытаюсь придумать, что делать дальше. Враги были в тридцати ярдах, а другого средства выбраться с острова у меня не было. Я был бы счастлив, если бы мог вновь оказаться на доставившем меня сюда стволе, но течение его уже унесло.

Значит, я мог рассчитывать только на челнок. Экипаж баржи не нуждался в нем, так как при барже была большая лодка.

Мне оставалось ждать, когда Блэк и его сообщник покинут остров, и тогда уехать самому с помощью старого челнока.

Но они оставались что-то слишком долго. При этом было ясно, что баржа не потерпела аварии. Не слышно было ни ударов молотка, ни визга пилы. Слышны были лишь голоса да топот шагов по палубе.

Я попробовал разобрать, о чем шел разговор, но голоса были довольно тихие. Говоривших было трое, я различил голос Блэка. Второй как будто походил на Стингера, но я не был уверен, он говорил очень мало, через большие промежутки времени. Третий был мне не знаком.

Что касается негров, то они молчали. Это было странно, я знал, что они за всякой работой болтают, шутят и громко смеются.

Потом я услышал четвертый голос, который, очевидно, что-то приказывал.

Я, вздрогнул, тотчас узнав его. Это был голос Брэдли!

Я стал вслушиваться в разговор еще внимательнее, ловя каждое слово. Но мне не удалось ничего расслышать, кроме низкого гула голосов, заглушаемых кустарниками и резким стрекотанием кузнечиков.

Сначала я запутался в предположениях. Ему-то что здесь нужно? Как он сюда попал?

Это так заинтересовало меня, что я не мог преодолеть желания увидеть, что делают эти четыре человека. Я долго отыскивал средство увидеть их так, чтобы они меня не заметили, и наконец нашел. Надо было взобраться повыше и как можно дальше подвинуться по одной из толстых ветвей, которые были надо мной.

Это оказалось не очень трудно. Ветви были густые и широкие, и я поднялся по ним, как по лестнице.

Глава XIX. Странные занятия

Сидя на дереве, я находился в безопасности, так как листва была очень густа. Кроме того, меня окружало множество растений, так что здесь мог спрятаться даже слон.

Главное – не шуметь, и ничто не выдаст моего присутствия. Я долго сидел, не смея высунуть головы из листьев. Просидев так минут двадцать, я вполне убедился, что жизнь моя висела на волоске. Я заключил это не из того что услышал, а из того, что увидел. Голоса отсюда были все так же неразборчивы, зато теперь я видел все как на ладони. Одна из самых толстых ветвей кипариса росла прямо по направлению к лагуне. Я прополз вдоль этой ветви и увидел не только лагуну, но и баржу сквайра Вудли. Там были лишь белые, а негры куда-то исчезли.

Сначала я увидел троих: Блэка, Стингера и того, которого я не знал, но, судя по его лицу и манерам, он находился в подходящей компании.

Все они усердно трудились, каждый над своим делом.

Прежде всего я увидел Стингера. Он стоял в том месте баржи, где была лестница в каюту. Он тщательно вытирал доски палубы и первые ступени лестницы, держа в одной руке швабру, а в другой – сосуд с мыльной водой.

Подвинувшись еще несколько вперед, я увидел и двух других мошенников. С баржи на берег была уложена доска. На берегу валялось с полдюжины тюков хлопка, которые выкатили по этой доске. Блэк и незнакомец занимались тюками. Все трое были без верхней одежды.

Подвинувшись еще несколько вперед, я увидел и двух других мошенников

Сначала я наивно подумал, что баржа действительно потерпела крушение, попав в водоворот, и они ее разгружали, чтобы не дать потонуть. А все мои прежние предположения были сделаны под влиянием страха и волнения.

Тогда не было ничего удивительного в том, что баржа вошла в залив. Не удивился я и отсутствию негров. Вероятно, они были под палубой и подавали тюки в палубный люк. Единственное, что меня удивляло теперь, это то, что я не слышал под палубой их обычного шума и смеха.

«Что же с ними случилось?» – гадал я.

Однако вскоре занятие Блэка и незнакомца меня озадачило, я увидел, что они развязывают стягивающие тюк веревки и снимают упаковку с тюков. Наконец я понял, в чем дело. На снятых упаковках было крупными буквами написано имя владельца. Я смог разобрать надпись: «Вудли». Упаковки заменялись новыми, вполне похожими на эти, но надпись была иная. На новых было написано крупным шрифтом: «Н. Брэдли»!

До этого момента я мог довольствоваться лишь предположениями. Теперь все стало ясно. Я наблюдал сцену пиратства – явления, как говорили, нередкого на берегах Миссисипи.

Плантаторы-пираты овладевали баржей и маркировали груз так, чтобы его можно было продать на рынках Нового Орлеана.

Нат Брэдли был вожаком шайки. Это было очевидно и доказывалось тем, что на упаковках было написано его имя. Он не присутствовал при перегрузке, но я не сомневался, что слышал его голос, отдававший приказания лодочникам. Как же он устроил этот захват?

Я снова подумал о неграх и все старался найти их на барже или рядом с ней. Но их не было, и они хранили не свойственное им молчание.

Заснули или их заперли? А может быть, они мертвы!

От этой мысли кровь застыла у меня в жилах. Сначала я не мог и подумать, что это правда, но негры все не показывались.

Только Стингер на верху лестницы старательно тер палубу.

Я сосредоточил свое внимание на этом человеке.

«С чего это, – думалось мне, – он стал так опрятен?»

И пока я искал ответ на этот вопрос, взгляд мой упал случайно на воду, брызгавшую из-под швабры. Она была красного цвета, словно окрашена кровью. Я содрогнулся с головы до пят и вспомнил то, что слышал ночью и что принял за кошмарный сон. Я вспомнил выстрелы и последовавшие за ними крики агонии.

Итак, это мне не приснилось. Убийство было действительно совершено, и Стингер смыл следы преступления. Негры не показывались... Их-то, значит, и убили; это их кровь, а трупы, вероятно, брошены в воду.

Как ни ужасны были подозрения, они настолько овладели моим умом, что никакие рассуждения не могли их опровергнуть. Я застыл от ужаса, сидя на своей ветви.

Глава XX. С одним веслом

Я продолжал сидеть тихо и неподвижно на ветви кипариса. Несмотря на усталость и неудобство своего положения, я теперь не имел ни малейшего желания спуститься вниз.

Очевидно, я находился в большой опасности. Люди эти были убийцами, одно лишнее преступление не прибавило бы ничего к тому, что они уже совершили. Напротив, избавиться от меня им просто необходимо, и я не мог ожидать пощады, если бы они меня заметили.

Я решил дожидаться ночи. Тогда я проскользну через чашу к покинутому челноку, отвяжу его, пользуясь темнотой, и вытащу из лагуны. Таков был мой план.

Так как нечего было и пытаться сделать это раньше середины ночи, я призвал на помощь все свое терпение и всю энергию. Никогда за всю мою жизнь время не шло так медленно. Казалось, дню не будет конца, а солнце никогда не зайдет.

Наконец мало-помалу я примирился с судьбой. Я стал наблюдать за тремя пиратами, старался поймать отрывки их разговоров, хотя у меня уже не оставалось сомнений в том, чем они промышляли. Говорили пираты очень оживленно, но почти шепотом.

Потом они вскоре куда-то исчезли один за другим. Тюки были теперь, должно быть, все перепакованы, и Стингер закончил свою работу, потому что все трое ушли под палубу и несколько часов оттуда не показывались.

Вероятно, они уже не первый раз занимались этой подделкой упаковок, потому что втроем закончили всю работу всего за несколько часов. Впрочем, я припомнил, что в день охоты на орланов видел ключья упаковочного полотна на берегу, и понимал теперь, что это были остатки добычи, захваченной пиратами.

Стало ясно, каким образом Нат Брэдли так быстро составил себе состояние на новой плантации. Прямо перед моими глазами и было объяснение этой тайны!

Разбитый усталостью, полумертвый от голода и жажды, мучимый раной и лихорадкой, не берусь сказать, как я не потерял сознание и не свалился с дерева вниз, прямо в руки врагов.

Наступила ночь, и пираты снова показались на берегу. Торопливо собрав остатки упаковки и сделав несколько больших свертков, они привязали к ним камни и бросили в воду. Потом сели в челнок, находившийся при барже, предварительно заперев ее, и в несколько ударов весел вышли из лагуны и скрылись.

Убедившись, что они уехали, я с большим трудом спустился с дерева и, улегшись на мох, стал ждать, когда совсем стемнеет. Тогда только я решился приблизиться к тому месту, где видел челнок.

Днем я сделал несколько наметок, и теперь, пользуясь ими, мне быстро удалось его отыскать. Он наполовину врезался в песок, но, сломав ветви, к которым челнок был привязан, я довольно легко толкнул его в воду. Потом вошел в него. Там лежало всего одно весло, но я все равно мог действовать лишь одной рукой.

Медленно и осторожно пробрался я вдоль берега, минуя баржу, и вышел из лагуны в реку. По счастью, я никого не встретил. Ночь была действительно очень темной, и, кроме того, после заката солнца стлался густой туман.

Выйдя из лагуны, я уже легко ориентировался. Мне нужно было опять подняться по течению, стараясь не попасть на середину реки. Это было трудно, так как я греб только одним веслом. Но, преодолев усталость и волнения дня, я почувствовал, что вместе с надеждой на спасение и отмщение ко мне вернулась моя прежняя энергия.

Впрочем, я был искусным гребцом, и доплыть до плантации для меня было лишь вопросом времени, если только я не попаду в водоворот или не буду унесен течением на середину реки.

Я греб уже около получаса и, убедившись, что меня не преследуют, остановился отдохнуть. Кроме того, я был уверен и в том, что отплыл довольно далеко от убежища убийц, так справедливо названного Островом Дьявола.

Я охотно вышел бы на берег, чтобы пешком дойти до плантации, но рассудил, что в лодке оставаться безопаснее. Так я не рисковал встретиться с дикими зверями или с людьми и при всяком подозрительном шуме мог укрыться в росших вдоль берегов кустах.

Не прошло и четверти часа после восхода солнца, как я достиг места, при виде которого у меня забилося сердце. Это была пристань плантации Вудли.

Здесь не было никакого жилища, только небольшой настил служил пристанью, и к нему были привязаны две лодки, которые я тотчас же узнал.

Дом был отсюда в двух или трех милях, и большая деревня мешала его увидеть с берега.

В этот ранний час и в то время когда уборка была уже окончена, я не надеялся, что меня увидят, да и не желал этого.

Прошло несколько часов с тех пор, как всякая опасность миновала, и теперь я думал о будущем и, главное, о том, как отомстить пиратам-убийцам, как уличить их в преступлениях.

Я знал, что в этой удивительной стране, где жили Вудли, трудно добиться правосудия иначе, как личными усилиями. И я говорил себе, что, несмотря на все имевшиеся у меня в руках доказательства, надо было уличить Брэдли с помощью хитрости.

Во всяком случае, лучше было бы мне не встречаться с неграми на плантации, пока я не увижу хозяина и мы не решим с ним, как действовать дальше.

Я поторопился сойти на землю и, привязав челнок, бросился под деревья и осторожно направился к дому.

Глава XXI. Испуганный чернокожий

Я никого не встретил, пробираясь от одной кучи заготовленного на зиму хвороста к другой. Вопрос теперь был в том, чтобы войти не замеченным неграми, которые, вероятно, уже работали возле дома.

Подходя ближе, я услышал человеческие голоса. Время от времени раздавался собачий лай, очевидно, подходить слишком близко не следовало. Правда, я был почти неузнаваем. Покалеченную руку я перевязал шелковым шейным платком. С левого плеча свисал плащ, весь порванный и грязный. Теперь даже близкий друг не смог бы сразу узнать меня. Но это и было как раз опасно.

Раздумывая, что делать, я вдруг услышал шум приближающихся шагов и шорох сухих листьев. Кто-то шел от дома по направлению ко мне. По тяжелой и ленивой походке я узнал негра и вскоре убедился, что не ошибся.

Это шел Джейк, мой прежний проводник.

Я обрадовался. Лучшей встречи, кроме разве самого мистера Вудли, я не мог ждать. Я решил рассказать все Джейку и послать его к мистеру Генри с просьбой прийти ко мне.

Так как Джейк меня не видел, то я хотел подпустить его поближе, чтобы отрезать ему путь к отступлению, если бы он, увидев меня, захотел убежать.

Я спрятался за ствол старого тополя и стал ждать, заранее улыбаясь тому, как удивится негр. Я видел, что он шел к пристани, вероятно, за челноком, чтобы отправиться на рыбную ловлю. Он прошел мимо меня, не заметив моего присутствия. Потом, сделав несколько шагов, он остановился, к чему-то приглядываясь. Он стоял ко мне спиной и не видел, как я вышел из засады и приблизился к нему. В нескольких шагах я окликнул его:

– Джейк!

Он быстро обернулся, и я понял, что мои предосторожности были не напрасны, так как он первым делом хотел бежать. К счастью, я загораживал ему дорогу к дому, а бежать к реке не имело смысла.

– Джейк! – повторил я, стараясь говорить обыкновенным голосом. – Ты не узнаешь меня, потому что я весь в грязи. Ну, так что же? Узнал ты меня теперь?

– О! – сказал он с удивлением, которое при других обстоятельствах меня бы очень позабавило.

– Ты боишься меня, что ли?

– Боже мой, масса! Что с вами? Вы бледны как смерть и весь в тине! Что с вами? – повторил он, поднимая руки с видом глубокого удивления.

– Что с вами? Вы бледны как смерть...

– Со мной случилось очень печальное приключение, но теперь некогда объяснять. Пойди к мистеру Вудли и попроси его прийти сюда; только никому не говори, что я здесь.

– Масса Генри еще не вставал. Идите в дом, масса, я его сейчас предупрежу, что вы идете.

– Нет. Прежде нужно, чтобы он пришел сюда.

– Сюда? – повторил негр, все больше удивляясь. – Не угодно ли вам войти в дом и переодеться?

– Нет, я не пойду, не поговорив с мистером Генри. Но смотри, никому не говори, что меня видел, – только мистеру Вудли. Попроси его прийти сюда и принеси мне чистую одежду. Иди скорее. Мне очень больно.

Действительно, уже час, как моя рана стала ужасно болеть.

После того как негр удалился, я сел под дерево и прислонился к нему, чтобы удержаться, – так я был слаб.

Я никак не думал, сядясь здесь для того, чтобы дожидаться мистера Генри Вудли, что до его прихода увижу его брата Уолтера. Однако так и случилось.

Место, где я встретил негра, было довольно далеко от плантации. Пока я рассчитывал, сколько времени ему потребуется, чтобы привести хозяина, я услышал пронзительный свист парохода на реке. Я встал и сделал шагов двадцать до того места, откуда видна была пристань. Перед ней только что остановился пароход, и от него отделилась лодка. В ней сидело трое: двое гребли, третий был, видимо, пассажир.

Через несколько минут лодка была уже у пристани. Два гребца выложили из нее несколько вещей, за ними легко выскочил пассажир и, сделав прощальный знак рукой, веселой походкой направился в мою сторону.

Я увидел молодого Уолтера Вудли и пошел навстречу.

Он не сразу узнал меня. Только услышав мой голос, он догадался, кто стоит перед ним. Он взял меня за руки и некоторое время смотрел на меня с неменьшим, чем Джейк, удивлением.

Я решил, что сначала он должен объяснить мне, как сюда попал. Щадя свои силы, я не хотел ничего рассказывать о себе до прихода его брата, чтобы поведать все обоим сразу.

Оказалось, что он направлялся в Новый Орлеан для наблюдения за продажей отправленного на барже хлопка, а сюда решил заехать, чтобы повидаться с братом и сестрой. Он думал уехать следующим же пароходом, дня через два или три.

Не прошло и четверти часа, как мы увидели спешившего к нам Генри. Джейк почтительно следовал за ним, неся сверток с одеждой и обувью.

Генри меньше удивился, чем негр и его брат. Он не удивился и тому, что встретил Уолтера, так как ожидал его уже несколько дней и теперь, услышав сигналы парохода, был уверен, что брат приехал. С другой стороны, негр подробно описал ему мое странное появление и не менее странный вид. Генри тотчас же объяснил себе это неожиданное возвращение нежеланием Блэка принять меня в качестве пассажира. Он не расспрашивал меня, а помог переодеться, чтобы сразу отвести домой.

Он побледнел только, когда увидел мою рану, и понял, что со вчерашнего дня произошли события более серьезные, чем он предполагал.

Короче, он так же, как и я, придерживался мнения, что будет лучше, если никто не узнает о моем возвращении, прежде чем мы обо всем переговорим. Он приказал Джейку убрать с дороги всех негров. Но если бы кто-нибудь из них и увидел меня, то вряд ли узнал человека в одежде мистера Генри, небритого, с рукой на перевязи.

Я прошел в дом никем не замеченный. Наскоро переодевшись и спустившись в столовую, я увидел и мисс Вудли. Она встретила меня с радостью, послужившей мне утешением после всех передраг.

Тем не менее, поскольку я умирал от голода, мне дали поесть, прежде чем расспрашивать, и воспользовались этим временем, чтобы позвать доктора. Тот осмотрел мою рану и нашел ее не очень серьезной.

По той внезапной бледности, которая покрыла лицо мисс Вудли, когда она услышала о моей ране, я понял, что она испытывает ко мне нечто большее, чем обыкновенную симпатию к приятному гостю. И не сопровождайся мои приключения смертью невольников ее отца и кражей хлопка, я был бы счастлив, что испытал их... Они ведь стоили мне бесспорной уверенности в любви мисс Корнелии.

Глава XXII. Неожиданный гость

Впрочем, мисс Корнелия узнала о драме на барже много позже. Я сказал ей только, что поссорился и подрался с Блэком и был вынужден вернуться на плантацию на лодке, взятой с баржи.

Мне было трудно прибегать к подобному объяснению, но я рассудил, что это будет осторожнее со всех точек зрения. Тем не менее мисс Вудли не очень поверила этому объяснению, и, когда она ушла, оставив меня с братьями, я был уверен, что она сомневается в моей искренности.

Утолив голод, я подробно изложил братьям Вудли всю историю. Конечно, они слушали меня с нескрываемым изумлением и гневом. Как ни ужасно было то, что я рассказал им, они не сомневались в правдивости моего рассказа. Моя рана была достаточным доказательством преступления Блэка и его сообщников.

Впрочем, они не были удивлены и той горячностью, с которой я обвинял Брэдли. Оба знали его как опасного человека, способного на все. Им доводилось также слушать странные рассказы о нем самом, о его образе жизни, о быстром обогащении, а также кое-что по поводу Острова Дьявола. Раньше говорили, что Брэдли много играл, но в последнее время доходили и более дурные слухи, хотя никто не мог ничего доказать.

В описываемое время часто рассказывали о преступлениях пиратов на реках и плантациях некоторых южных штатов. Торговцы неграми промышляли почти на глазах у всех, и все знали, какие несчастья приносил этот промысел. Подозревали многих, но никто не знал точно, чем занимался Нат Брэдли.

Мое приключение бросило свет на его нечистые дела. Нат Брэдли был главарем пиратов, то есть воров и убийцей.

Уже несколько лет говорили о судах с товарами, пропадавших на Миссисипи. В прошлом году большой груз, шедший из Арканзаса и принадлежавший одному тамошнему плантатору, исчез, как по волшебству, вместе с баржей и неграми, которые находились на ней. Никто так и не узнал, что же случилось.

Многие предполагали, что без вести пропавшие суда погибли в водоворотах или во время ураганов, но другие, более недоверчивые, вспоминали подвиги знаменитого Маррела. Когда его посадили в тюрьму, пираты не исчезли, и Брэдли стал его преемником.

Между тем как мы рассуждали об этих событиях, нам многое стало понятнее. Так, я вспомнил, что Блэк и Стингер были совершенно неизвестны семейству Вудли. Они сами явились на плантацию как лоцманы и строители судов по профессии, и их приняли на эти обе должности. Я вспомнил также часть разговора между Блэком и Брэдли, услышанного мною, когда я шел на плантацию. Я удивился тогда, что Брэдли так интересуется количеством тюков, которое пойдет на барже.

Теперь я не сомневался, что негодяи явились к мистеру Вудли по приказанию Брэдли. Очевидно, все это было продумано заранее. Во всяком случае, все велось так искусно, так уверенно, что одно это указывало, что все трое были не новички в подобных делах.

Что касается негров, то не вызывало сомнения, что они убиты. Этого требовала осторожность, хотя Брэдли и предпочел бы, может быть, взять их к себе на плантацию или кому-нибудь продать.

Установив все эти факты, необходимо было придумать, как наказать преступников и отобрать у них груз хлопка.

Намерения пирата-плантатора были ясны. Три сообщника должны привезти хлопок Вудли в Новый Орлеан, где они наверняка знают какого-нибудь уважаемого купца, и продать ему весь хлопок оптом по относительно низкой цене. Они переменили упаковки лишь по своей

крайней осторожности, но теперь уже совершенно нельзя было отличить эти тюки от тех, которые ежедневно продавались в Новом Орлеане. Брэдли возьмет за них столько, сколько дадут, хотя они и были оценены Вудли в двенадцать тысяч долларов. А едва они будут проданы и доставлены покупателю, то будет очень трудно доказать, что они украдены.

Что касается самого судна, то от него легко избавиться, продав его в Новом Орлеане или увезя куда-нибудь – в крайнем случае можно просто пустить ночью вниз по течению Миссисипи.

Но явится ли Брэдли на баржу до ее прихода в порт? Это было невероятно, да и неудобно для такого богатого собственника, как он. Вероятно, он последует за ней на каком-нибудь пароходе, идущем вниз по Миссисипи.

Может быть, на том же самом пароходе, с которого только что сошел Уолтер.

А может, он с какой-нибудь пристани, расположенной ниже плантации Вудли. Как же нам отследить его передвижения? Генри уверял, что нам всем троим нужно ехать в Новый Орлеан с первым проходящим мимо плантации пароходом или даже отправиться верхом в Натчез и сесть на одно из почтовых судов, совершавших рейсы между этим городом и Новым Орлеаном. Таким образом, мы приедем раньше баржи и по ее прибытии в порт сможем завладеть ею и передать всех трех убийц в руки правосудия.

План этот был хорош в отношении трех помощников пирата-плантатора, но как быть с ним самим? Действуя так, мы могли дать ему возможность ускользнуть. Этого нельзя было допустить!

Я, по крайней мере, хотел отомстить тому, кто дважды покушался на мою жизнь. В моих глазах Блэк был лишь исполнителем приказа Брэдли.

Кроме того, у нас не было прямого доказательства участия Брэдли в преступлении, жертвой которого я чуть было не стал. Я не видел его в лагуне. Я мог поклясться, что слышал его голос, но этого было мало, чтобы обвинить его. Он стал бы отрицать свое участие, а сообщники могли его и не выдать.

Правда, его имя заменило на тюках имя Вудли, но это было еще не доказательство. Он мог и не знать об этом. Мало ли что вздумается писать пиратам на украденных тюках?

Если же, наоборот, мы дадим делу идти своим чередом, хлопок будет продан, доставлен и известно будет, кто получил деньги. А так как маловероятно, чтобы пират доверил своим сообщникам крупную сумму, то, очевидно, он получит ее лично, и у нас будет доказательство, что он – их предводитель.

Таково было мое мнение, и Уолтер так горячо меня поддерживал, что его брат согласился.

Было решено, что мы как можно быстрее едем в Новый Орлеан и обратимся там к знакому адвокату Вудли, который поможет нам добиться суда над преступниками.

Когда уже, казалось, все было решено, снаружи послышался конский топот и затих у дверей. Мы выглянули в окно и увидели человека, который, сойдя с лошади, привязал ее к воротам.

Когда человек этот обернулся, мы узнали в нем Ната Брэдли.

Глава XXIII. Ожидание парохода

Так как я вернулся на плантацию тайком, то это посещение нас не сильно беспокоило, но застало врасплох. Невольно у всех нас возник вопрос: зачем он приехал?

Конечно, мне не следовало показываться. Брэдли с сообщниками не должны были до самой последней минуты знать о моем спасении, без этого все пойдет насмарку.

Уолтеру тоже лучше было пока не выходить. Его присутствие здесь пришлось бы объяснить Нату Брэдли, и тогда, узнав, что Уолтер едет в Новый Орлеан, он стал бы держаться настороже и мог бы, пожалуй, разгадать наши планы.

Принять Ната должен был один Генри.

Едва он успел выйти из столовой, где мы все сидели, и затворить за собой дверь, как негодяй уже вошел в комнату. Так как его не приглашали войти дальше, то он остановился. Мы с Уолтером подошли к двери и стали слушать. Первым заговорил Брэдли.

– Ну, мой друг, – сказал он, обменявшись приветствиями с Генри, – я, кажется, опоздал.

– Куда? – последовал вопрос.

– Я хотел сесть на пароход, чтобы плыть в Новый Орлеан. Думал, что успею на «Язу-Сити», который вчера вечером должен был выйти из Висксбурга. Для этого я и приехал на вашу пристань, но, должно быть, поздно. Когда я ехал через лес, я слышал, что тут прошел пароход, – кажется, вниз. Должно быть, это и был «Язу-Сити».

Наступило молчание. Мы напрасно ждали ответа Генри. Присутствие этого гостя в такой момент настолько его поразило, что он, видимо, не знал, что сказать. Но Брэдли и не спрашивал его, а потому не ожидал ответа.

– Вероятно, пароход прошел очень рано, когда вы еще не вставали, – продолжал он. – Не видел ли его кто-нибудь? Мне очень хотелось бы знать наверняка, был это «Язу»?

– Негры видели пароход, – уклончиво ответил Генри, – но это был не «Язу-Сити». Это, видимо, было судно из Огайо, идущее вверх по реке.

– О, тогда, значит, и «Язу» близко. Лучше я сразу поеду на пристань, чтобы не опоздать. Дайте мне человека, чтобы привел вам лошадь назад, если я уеду.

– С удовольствием, – ответил Генри.

Видимо, Генри ничего так не желал, как поскорее избавиться от своего гостя.

– И потом вот еще что, – заговорил пират уже другим тоном, – сейчас мы одни, значит, можно об этом потолковать. Когда вы наконец отдадите мне ваш долг? Эти деньги мне очень нужны. Я уже несколько раз напоминал вам, и вы все-таки не платите. Это мне надоело, даю вам время до моего возвращения, я проеду здесь недели через две. К тому времени, пожалуйста, приготовьтесь к уплате. Если у вас нет сейчас денег, продайте кого-нибудь из невольников. Что касается меня, то, если вы не расплатитесь, я буду вынужден принять свои меры. Мне очень жаль, что мне приходится быть таким нетерпеливым кредитором, но мне нужны деньги, а вы давно мне должны.

– Когда вы вернетесь? Через две недели? К тому времени у меня, может быть, будут деньги.

– Да к черту ваше «может быть»! – грубо прервал его Брэдли. – Если у вас их не будет, берегитесь. Я не шучу. Но что это такое? Слышите?

Оба замолчали и стали слушать. Брэдли через несколько секунд выбежал вон. В открытое окно столовой до нас донесся глухой гудок приближающегося парохода.

– Клянусь Юпитером, это пароход! – воскликнул Брэдли, возвращаясь в дом. – Пошлите за моей лошадью человека!

Выкрикнув этот нахальный приказ, поспешил к воротам, вскочил на коня и на полном ходу поскакал к пристани.

Генри послал за ним вслед негра, и некоторое время мы волновались. Если Брэдли опоздает на пароход, то, очевидно, он вернется в дом и будет ждать следующего! Это было бы очень нежелательно: если он заметит на плантации Уолтера и меня, нам придется отказаться от мести.

Поэтому мы очень обрадовались, когда с реки до нас донесся продолжительный свисток. Это означало, что пароход остановился, чтобы принять на борт пассажира, а пассажиром этим был, конечно, Брэдли. Предположение это подтвердилось, когда негр привел назад его лошадь.

Пират-плантатор отправился в Новый Орлеан для того, конечно, чтобы лично наблюдать за продажей добычи. Он и не думал, что ограбленный им владелец и человек, которого он хотел убить, были в течение нескольких минут отделены от него лишь дверью и только что обсуждали, как уличить его и наказать за преступление.

Глубоко благодарные капитану «Язу-Сити» за ту услугу, которую он оказал нам, избавив от Брэдли, мы тем не менее подумали, что и нам необходимо как можно быстрее последовать за пиратом.

Если баржа отправилась прямо в Новый Орлеан после недолгой остановки на Острове Дьявола, а так, видимо, и было, то она могла прийти к месту назначения дня через четыре, самое большее – через пять. Ее экипажу не нужно было теперь замедлять ход. Напротив, он, вероятно, делал все, чтобы его ускорить.

Что же до «Язу», то тот мог прийти в Новый Орлеан еще раньше баржи.

Но на каком же пароходе отправимся мы?

На этот вопрос нельзя было ответить определенно. Пароход мог пройти мимо нас через час, но мог пройти и через два-три дня. В последнем случае мы вынуждены будем отказаться от всякой надежды на удачу.

Как только баржа придет в порт, ее, конечно, разгрузят, а груз спрячут в таком месте, где его трудно будет разыскать. Что касается самого судна, то от него можно было тоже избавиться очень быстро. Приехав поздно, мы не найдем ни груза, ни судна и у нас будет восемьдесят пять шансов против ста, что никогда их не увидим, так же как Блэка и Стингера.

Предположив даже, что мы найдем хлопок в пакгаузах, через которые проходит всякий груз до выгрузки на большие суда, будем ли мы в состоянии узнать его или доказать, что он не принадлежит Нату Брэдли, хотя и помечен его именем?

А баржу я, Уолтер или Генри вряд ли могли бы узнать. Все суда этого рода похожи друг на друга, так как строятся по одному образцу. Я брался узнать лишь трех человек, которых видел на Острове Дьявола.

Глава XXIV. Белый платок

Чтобы увидеть троих преступников и указать на них кому следует, а также чтобы доказать, что Нат Брэдли был их сообщником, если не главарем, нужно было поспеть в Новый Орлеан до продажи груза.

Уолтер с удивлением узнал, что его брат должен Брэдли две тысячи долларов. Однако это не слишком его огорчало. Теперь он понял причину той странной связи, что существовала между Генри и Брэдли, так мало похожими друг на друга. Он рад был, что теперь выяснил причину этой дружбы.

– Долг – не беда, – сказал он брату. – Теперь, впрочем, ты можешь считать себя в расчете с Брэдли. Если мы даже вернем наш хлопок, то тот убыток, который причинил нам этот негодяй, будет превышать сумму твоего долга.

– Как это?

– Да так. Разве ты забыл, что он убил наших негров? Это были самые лучшие, самые честные люди на всей плантации. Я не знаю, что бы дал, только бы знать, что они живы. Без сомнения, они стали жертвами собственной преданности.

– Правда, правда, бедняги. Но, впрочем, чего нам особенно заботиться, – продолжал менее чувствительный Генри. – Вы тогда покроете и их стоимость, по крайней мере, денежную. На плантации Брэдли много негров... но сейчас нам нельзя терять ни минуты. По-моему, дорогой Уолтер, тебе нужно ехать верхом в Натчез. Там ты узнаешь, когда пойдет в Новый Орлеан почтовый пароход – ведь с ним постоянное пассажирское сообщение. Тогда ты приедешь вовремя. Как приплывешь, немедленно отправляйся к нашему старому другу Чарли Сойеру, он хорошо знаком с начальником сыскной полиции и поэтому может быть нам очень полезен. Ты найдешь его в конторе на улице Сент-Чарльз, возле отеля. А я подожду здесь и с первым же пароходом присоединюсь к тебе. Наш друг не откажется, надеюсь, сопровождать меня – без него мы много не сделаем.

С этого момента Генри Вудли точно подменили. В нем бурлила такая энергия, которой я не мог и предполагать. Может, она появилась вследствие надежды отомстить Брэдли и уплатить наконец свой долг, последствий которого он так долго боялся.

– Приготовься же, Уолтер! – продолжал он. – Я прикажу оседлать тебе лучшую лошадь. – Эй, Дик! – крикнул он одному из негров, работавших во дворе. – Вели оседлать и привести сюда серую кобылу, да поскорее!

Через несколько минут лошадь была готова. Мисс Вудли, которая возвратилась опять к нам, очень удивилась нашим приготовлениям.

– Не волнуйся, Корнелия, – сказал брат, отвечая улыбкой на ее немой вопрос. – Неотложные дела призывают Уолтера в Новый Орлеан.

– Но разве...

– Я тоже сяду на первый пароход, идущий в Натчез. А так как наш друг обещал нас сопровождать, то мы тебя здесь одну не оставим. Ты тоже поедешь с нами, если, конечно, тебе этого захочется. Или, может быть, ты думаешь вернуться к отцу в Теннесси?

– Я поеду с вами.

– Отлично, я так и думал. По дороге я тебе все расскажу. Хорошо?

Мисс Вудли не ответила, но ее улыбка и блеск глаз выдали ее. Она была в восторге от этого неожиданного путешествия.

По шутливому тону брата она заключила, что не произошло ничего серьезного.

Что до меня – я был просто счастлив, что поеду вместе с Генри и очаровательной мисс Корнелией.

Я вспоминал то восхитительное путешествие, которое уже совершил в ее обществе – то самое, во время которого я был ей представлен.

* * *

Все устроилось лучше, чем мы ожидали. Уолтер поехал вместе с нами, не имея нужды ехать в Натчез.

Когда он уже садился на лошадь, нам сообщили, что виден пароход, и скоро мы услышали призывный свист. Мистер Генри сейчас же заторопил Уолтера.

– Скорее на пристань, Уолтер! – воскликнул он. – Подай ему знак остановиться. Достаточно будет белого платка.

Корнелия дала брату свой платок, и он поехал на пристань. Мы тем временем стали торопливо готовиться к отъезду.

Через несколько минут свистки прекратились. Сигналы Уолтера были замечены, и нас ждали. Почти все капитаны проходивших мимо пароходов знали Вудли и рады были взять их пассажирами.

Приехав на пристань, мы сели в ожидавшую нас лодку. Пароход оказался знаменитой «Султаншей», одним из самых больших пароходов на Миссисипи.

Теперь мы были уверены, что обгоним Брэдли. И действительно, проходя мимо Пойнт-Купе, мы оставили за собой небольшой пароход, на носу которого было написано большими буквами «Язу-Сити».

Нам даже удалось разглядеть виновника нашего внезапного путешествия, то есть Ната Брэдли. Он в одиночестве стоял на корме и задумчиво глядел куда-то. Думал ли он о будущем? О судьбе своего нынешнего предприятия? Или, может, он размышлял о каких-то прошлых своих темных делах, которые, без сомнения, были на его совести? А может, его мысли занимала та, что теперь стояла рядом со мной и смотрела на него лишь с отвращением. Чтобы ни было у них в прошлом, я точно знал, что между Брэдли и Корнелией уже все кончено.

Мы поспешили сойти с верхней палубы в салон, чтобы он нас вдруг не заметил.

* * *

Менее чем через сутки мы миновали Лафайет и увидели башню гостиницы «Сент-Чарльз», возвышавшуюся над остальными домами Нового Орлеана.

– Мы не остановимся в гостинице «Сент-Чарльз», – сказал Генри, указывая на эту башню.

– Почему? – спросил Уолтер. – Ведь это лучший отель в городе.

– Правда, – ответил Генри, лучше знавший привычки Брэдли. – Это лучший отель, но потому-то нам и не нужно здесь останавливаться. Мы и дня там не пробудем, как человек, которого мы ищем, заметит наше присутствие. Мы поселимся в гостинице «Сент-Луис» во французском квартале. Тогда нас не увидят. А вы, – обратился он ко мне, – тоже не должны выходить, пока ваше свидетельство не понадобится для уличения этих негодяев. Суд над ними покажет, вероятно, многим плантаторам долины, куда делись их суда.

Через несколько часов мы были в гостинице «Сент-Луис».

Глава XXV. Адвокат из Луизианы

Уже на следующий день мы занялись делом, для которого приехали в Новый Орлеан. Генри Вудли послал за адвокатом, про которого говорил брату.

Чарли Сойер менее удивился этому рассказу, чем мы ожидали. Хотя он и не был стар, но жил в Новом Орлеане уже давно и успел познакомиться с самыми таинственными случаями, которые происходили среди смешанного населения этого города. В своей судебной практике он встречал великое множество мошенников, которыми всегда славился Новый Орлеан.

Что касается нашего плана, то он был полностью одобрен адвокатом.

– Хотя, по-видимому, у нас в руках есть все, чтобы предать в руки правосудия обворовавших вас мошенников, – сказал он, – все же действовать нужно крайне осторожно. Наши законов недостаточно для того, чтобы добиться ареста преступника. Нужно иметь против него неопровержимые улики. Если Брэдли и его сообщники убили ваших негров, то им будет трудно ускользнуть из наших рук. Нужно дать Брэдли продать хлопок. Тогда можно обвинить его в грабеже, в пиратстве и во всем, что из этого следует.

– Но если ему не удастся его продать? – заметил Уолтер. – Он может не найти покупателя.

– Не беспокойтесь. Покупателя я сам ему найду. Я знаю одного торговца, которому мы можем довериться в этом деле. Он даст Брэдли такую цену, что тот наверняка поспешит заключить сделку. Но прежде чем он получит условленную сумму, мы его арестуем, и он вместе со своими сообщниками попадет в городскую тюрьму. А дальше нам останется только ждать решения суда.

– Это верно, – подтвердил Генри.

– А теперь, – продолжал адвокат, – надо действовать. Первое, что нужно сделать, это узнать, где находится ваша баржа. Мистер Уолтер Вудли, можете вы узнать вашу собственность?

– Сомневаюсь, – отвечал Уолтер, – Я легче узнаю Блэка и Стингера, которым была поручена баржа. Я могу их увидеть на самой барже.

– Правда, но ведь и они вас увидят, если вы близко подойдете, а это погубит дело.

– Думаю, – прервал я, – что эту часть дела мне нужно взять на себя. Блэк меня видел нечасто, зато я, конечно, никогда его не забуду. Пожертвовав своими усами, взяв у парикмахера пару бакенбард и переодевшись, я смогу посетить баржу, и меня там не узнают. Что вы на это скажете?

– Отлично! – воскликнул Сойер. – Возьмите камлотовый плащ, такие здесь многих носят. Под ним вы сможете спрятать раненую руку. Под большим сомбреро и с бакенбардами вас точно не узнают. Что касается вас, мистер Генри, и вашего брата, вы подождете здесь, пока не будете нам нужны. Выходите как можно реже, пока птички не окажутся в клетке.

Следуя инструкциям Сойера, братья Вудли вернулись в гостиницу, тогда как я поспешил раздобыть необходимые для перевоплощения вещи. Чтобы не вызвать подозрений, я побрился самостоятельно. Тяжело было расставаться с моими излюбленными усами, но меня утешали две мысли – во-первых, что вскоре они отрастут снова, а во-вторых, еще до того как это случится, я увижу опасного преступника, дважды покушавшегося на мою жизнь, на скамье подсудимых.

Нужный мне плащ я нашел в магазинчике на набережной, а бакенбарды приобрел в костюмерной лавке, где они имелись в изобилии.

Менее чем через час я уже был полностью готов, чтобы сыграть роль детектива.

В сопровождении мистера Сойера я отправился к той части гавани, где стояли баржи и большие лодки.

Я отправился к той части гавани, где стояли баржи и большие лодки

Набережная Нового Орлеана растянулась на четыре мили вдоль берега реки. Лишь часть ее снабжена пристанями, то есть прочными деревянными платформами, которые держатся на сваях, вбитых в дно реки. Между этими платформами имеются свободные пространства, где стоят на якоре лодки, баржи, плоты и пароходы, ожидая разгрузки.

По уставу порта, для каждого вида судов имеется своя пристань, потому что в иные месяцы порт Нового Орлеана бывает необычайно загружен, ведь это главный порт всего бассейна Миссисипи.

Теперь было как раз такое время. Добравшись до пристани для барж, мы обнаружили сотни судов, похожих одно на другое. Они стояли так близко друг к другу, что человек без труда мог, перешагивая с одной крыши на другую, ходить по этому обширному скоплению. Некоторые баржи располагались даже во втором ряду, ожидая, пока освободится место у причала.

Мы с мистером Сойером занялись поисками. Большинство барж было еще в процессе разгрузки – выкатывали бочки с сахаром, табаком, вяленой свининой или зерном. Некоторые суда уже стояли пустыми. А другие только ждали возможности пристать на освободившееся место, чтобы начать разгрузку. Одно из них сразу же привлекло мое внимание. Мне показалось, что я его знаю, я решил довериться чутью, потому как провел множество безрадостных часов, сидя на дереве и созерцая злосчастную баржу. Однако на палубе никого не было.

Я повел к ней своего спутника и, пока мы пытались получше разглядеть баржу, успел поделиться с мистером Сойером своими подозрениями. С пристани мы не могли попасть на нужную баржу, поэтому нам пришлось забраться на крышу соседнего судна, которое еще разгружалось. Пока Сойер извинялся перед владельцем соседней баржи, я заприметил то самое пятно крови, которое так старательно пытался отдраить Стингер, чтобы замести следы преступления. Резкий голос окликнул нас, предварив вопрос ругательством: «Что вы тут забыли?» Более доказательств мне не требовалось, так как к нам обращался не кто иной, как капитан Блэк собственной персоной! Предоставив Сойеру отвечать на вопрос, я поспешно отвернулся, чтобы скрыть лицо. Адвокат извинялся: мы-де осматривались тут чисто из праздного любопытства. Затем мы без помех сошли на берег.

– Как я понял, – сказал Сойер, как только мы отошли на порядочное расстояние, – наш вежливый приятель с баржи и есть тот самый пират? Верно?

– Этот человек оставил мне на память вот что, – ответил я, приподнимая плащ и показывая покалеченную руку.

– Вот так-так! Мы загнали в угол шакала, теперь на очереди сам лев! Однако давайте теперь убедимся, что птички у нас в руках, чтобы не вспугнуть их раньше времени! Ждите меня здесь, я скоро вернусь.

И он поспешил в сторону домов. Я не совсем понял смысл его причудливой речи.

Вскоре он снова появился, но уже с каким-то человеком. Я догадался, что это был полицейский сыщик.

– Видите эту баржу, Риггз? – сказал ему Сойер. – Она по соседству с той, где выгружают бочки со свининой из Цинциннати?

– Да, – ответил детектив. Быстро посмотрев в нужную сторону, он тут же отвел взгляд.

– Не теряйте ее из виду ни днем, ни ночью, и как только она начнет выгружать хлопок, приходите ко мне в контору и сообщите об этом.

– Очень хорошо.

– Это лишь первая часть нашего плана, – сказал Сойер, подходя опять ко мне, – теперь нам надо найти «Язу-Сити». Идемте.

Глава XXVI. Подзорная труба

Через десять минут интенсивной ходьбы мы уже были на месте. Как и на пристани для барж, здесь также наблюдалось огромное скопление судов: некоторые пароходы уже отплывали от берега, другие загружались или разгружались. Было очень людно и шумно. Но мы надеялись, что нам будет просто опознать «Язу-Сити». Однако, пройдя вдоль набережной, мы его не обнаружили. Тогда мы обратились к начальнику порта, и тот сообщил нам, что пароход еще не пришел. Все складывалось как нельзя лучше!

– Подождем, – сказал Сойер. – Где вы были, когда видели его сегодня утром?

– Около Пойнт-Купе.

– В таком случае он придет лишь через несколько часов. Мы будем его ждать, но не здесь. Видите это кафе над рекой? Пойдемте туда, незачем жариться под солнцем, сядем у окна и за бутылкой хереса будем осматривать порт в подзорную трубу, пока не увидим «Язу-Сити». Кстати, я никогда не видел этого Брэдли, но слышал про него множество очень странных вещей, не менее странных, чем вы мне рассказали. Стойте! Я придумал! Я знаю место получше, там мы точно ничего не пропустим. За мной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.